

Вадим Арчер

Кольца детей Ауле

Вадим Арчер
Кольца детей Ауле

Арчер В.

Кольца детей Ауле / В. Арчер —

Подробно рассказав об эльфийских и человеческих кольцах власти, созданных Сауроном, Толкиен весьма туманно говорит о том, что случилось с гномьими кольцами. В Сильмариллионе им уделено где-то полстраницы, а ведь это немаловажная часть событий, связанных с кольцами власти. Какими были гномьи кольца? Как они себя проявили? Почему их не стало? Данная книга является попыткой ответить на эти вопросы.

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вадим Арчер

Кольца детей Ауле

Коммерческое использование данного текста запрещается без согласия автора.

Предисловие (специально для ушибленных толкинутых, из-за которых эта книга не была напечатана)

Автору известно, что «валар», «майар» – множественное число от «вала», «майа».

Автору известно, что у Толкиена говорится о девяти человеческих кольцах, а не о двенадцати.

Автору известно, что датирование описываемых событий у Толкиена гораздо более растянуто во времени.

Автору известно, что у Толкиена нет ни слова о сплаве под названием «нердан».

Автору известно и многое другое, к чему можно придраться в этой книге, а если ему что-то и не известно, он на это кладёт с прицепом.

Это просто фанфик. Фанфик-апокриф.

Почему бы и нет? Как хочу, так развлекаюсь.

Часть I

Мастер Серебряная Рука

Узкое лезвие зашипело, погруженное в густую темную жидкость. Фандуил на мгновение отвлёкся от работы и скосил глаза на струйку дыма, образованную сгорающим маслом. Голубоватое облачко поднялось над котлом и полетело в вытяжную трубу, увлекаемое едва заметным сквозняком. Кузницы всегда делались с хорошей вытяжкой, иначе в них было бы просто невозможно оставаться подолгу.

Его ноздри втянули аромат пролетавшего мимо облачка. Это неправда, что благоухают только цветы и травы, что бы ни говорила сероглазая Тинтариэль, чья красота равнялась разве что ее кокетству. Железо пахнет. Митрил тоже пахнет. Пахнет горящий уголь в горне. Пахнет дерево рукояти кузнечного молота, отполированное до блеска мозолистыми руками Горма. Пахнет потом мускулистая шея гнома, пахнут огарки на коже его защитного передника – и здесь, в кузне, все эти запахи благоуханны.

Горм вытянул новенький клинок из масла, поднял его на свет, идущий из разверстого жерла горна, и с удовлетворением оглядел свою работу. Только затем он извлек лоскут из кучи ветоши в углу и обтер стекающие по лезвию масляные капли.

– Готово, – обернулся он к эльфу. – Ты уже подыскал себе рукоять?

– Да, вот эту. – Фандуил отложил работу и подал ему рукоять с полки.

– Витая, – отметил гном. – Я бы лучше выбрал с выемками для пальцев.

– У меня слишком узкие пальцы. – Фандуил показал ему свою руку – тонкую эльфийскую кисть с длинными пальцами, заканчивающимися безупречно отшлифованными ногтями. Трудно было поддерживать ногти в таком состоянии после целого дня кузнечной работы, но не невозможно.

Гном пренебрежительно фыркнул на эту руку и вытянул для сравнения свою широкую корявую лапищу, хотя и не сказал при этом ни слова, посчитав, что всякие комментарии здесь излишни.

– А как у тебя дела? – кивнул он на работу Фандуила.

– Тоже заканчиваю, – тот снова взял свое изделие в руки. Это был митриловый боевой топор с широким полукруглым лезвием и двумя острыми шипами – на верхнем конце и со стороны обуха. Эльф покрывал его боковые плоскости мелкой вязью узора из перемежающихся листьев и рун с помощью набора митриловых шилец, резцов, молоточков и зубил. Virtuозные руки гномов-мастеров все же не могли поспорить с точностью и тщательностью эльфийских пальцев, а их замысловатые чеканные узоры – с кружевным изяществом эльфийской отделки.

Возможно, он уступал Горму, когда дело касалось отбивки и закалки изделий, но в отделке даже гном признавал его преимущество – с большой неохотой и только в хорошем настроении, наступавшем после третьей-четвертой кружки крепкой медовухи. Но Фандуил знал, что Горм помнил это и на трезвую голову, и даже с похмелья, потому что иначе они никогда не договорились бы совместно сделать себе оружие, когда выдастся свободное время – как сегодня, например.

И это было правильным – разделение труда. Горный народ кичился своими мастерами, но и среди эльфов встречались несравненные кузнецы, среди которых выделялся мастер Келеб-римбер. Сын Карафина Умелого, внук создателя сильмариллов Феанора, величайшего кузнеца и бунтовщика из Перворожденных, он в полной мере унаследовал первый талант своего мятежного деда.

Но все-таки самые совершенные изделия получались, когда каждый делал ту часть общего дела, в которой был наиболее искусным. Как, например, последняя работа, которую

Горму и Фандуилу поручили как двум лучшим ученикам Келебримбера и которую они выполнили даже раньше назначенного срока.

Откровенно говоря, эту работу поручили одному Горму. Фандуилу отвели в ней роль подмастерья, строго-настрого приказав, чтобы эльф не делал ничего сверх того, что скажет гном. Тот ужасно важничал, сознавая всю ответственность поручения, и оставался работать в кузне дни и ночи напролет, не выпуская оттуда и своего помощника.

Для чего предназначалась эта работа, не было секретом для обоих. Мастер Келебримбер разъяснил им, что времена становятся беспокойными и поэтому нужно позаботиться об укреплении дружбы между народами Средиземья. В последние столетия все три основных народа – и эльфы, Перворожденные, и люди, Второй Народ, называемые на западе аданами, а на востоке – атани, и гномы, незаконно возникшие на Арде между счетом «один» и «два» вследствие опрометчивой инициативы валара-кузнеца Ауле – стали жить отнюдь не в той гармонии, как мечталось создателю Илуватару.

Конец Первой Эпохи и Война Гнева истощили и эльфов, и аданов, но полтора тысячелетия спустя они снова вошли в силу, заселив леса и равнины от Синих до Мглистых гор. Эти земли получили название Эриадора, или Благодатного Края, а его восточная лесистая часть, примыкавшая к Казад-Думу, стала называться Эрегионом, или Благословенными Кущами, где ушедшие с побережья нолдоры основали селение Ост-ин-Эдил – единственный оплот культуры и искусных ремесел посреди одичавших после военной разрухи людей. Теперь население Эриадора расплодилось так, что стала ощущаться нехватка земель, а кое-где уже начались людские усобицы за землю. Благодатный Край оказался под угрозой осквернения распрями, и кузнец-наставник Саурон предложил сковать кольца дружбы, чтобы объединить эльфов, гномов и людей вечной дружбой и прекратить междоусобицы раз и навсегда.

Прежнее имя Саурана было известно далеко не каждому из ост-ин-эдилцев, но оба лучших ученика Келебримбера знали, кем был наставник их мастера. Тот не был ни эльфом, ни человеком, он не был даже гномом, хотя еще в Начальные Времена обучался кузнечному искусству у самого Ауле, создателя гномов – это был могущественный майяр, пришедший к детям Арды для обучения и помощи. Когда он явился в Эрегион, о нем поначалу ходили неблагоприятные слухи – в частности, о том, на какой стороне он сражался в дни Войны Гнева – но со временем он доказал свою лояльность и пользу, щедро делаясь кузнечным искусством с гномами и эльфами. Хотя линдонские эльфы во главе с верховным правителем Гил-Гэладом по-прежнему не доверяли ему, ост-ин-эдилские нолдоры приняли его к себе и прозвали Аннатаром – Дароносцем.

Его предложение сковать кольца дружбы, обсуждавшееся на совместном совете эльфов и гномов в Ост-ин-Эдиле, куда были приглашены представители со всего Средиземья, было встречено без споров, даже с одобрением. И эльфы, и гномы давно считали, что людей стало слишком много и что те вели себя слишком вызывающе, чтобы оставлять это без внимания. Когда решение было принято, Саурон объявил, что нужно сделать три кольца для эльфов, семь для гномов и двенадцать для людей.

Откуда он взял эти числа, никто не спрашивал. Эльфийские кольца решили отдать Гил-Гэладу, чтобы он сам выбрал для них наиболее достойных носителей. Семь гномьих колец, конечно же, предназначались королям подгорных кланов, ведущих свой род от каждого из семи первых гномьих королей, сотворенных Великим Кузнецом. Двенадцать людских колец вызвался раздать сам Саурон. Кому вручить эти кольца, оставили на его усмотрение, рассудив про себя, что чем их больше, тем лучше.

Когда стали обсуждать подробности дела, Саурон подчеркнул, что эльфийские кольца должен сковать эльф, гномьи – гном, а людские – человек. Кто будет ковать эльфийские кольца, было ясно с самого начала – разумеется, мастер Келебримбер, Серебряная Рука. Ведь эльфий-

ское слово «келеб» означало не только благородный белый металл, но и превосходную степень совершенства.

Гномы настаивали на том, чтобы семь гномьих колец были скованы в Казад-Думе, но Саурон сказал, что должен лично присматривать за ходом работы. Именно поэтому работу поручили Горму, ученику Келебримбера, находившемуся на обучении в эльфийских кузницах, хотя в глубинах Казад-Дума нашлись бы мастера и получше. Вот почему этот несносный гном так важничал и всячески помыкал своим помощником во время работы.

Но сейчас, когда кольца были закончены, Фандуил перестал сердиться на своего напарника. Аннатар кое в чем помогал гному, преимущественно советами, но основную часть работы Горм сделал сам. Он не зря второй десяток лет учился у настоящего эльфийского мастера, поэтому семь митриловых колец с камнями из полудрагоценных минералов получились просто великолепными. Такие не стыдно было вручить и королю – даже гномьему королю, подлинному знатоку и ценителю кузнечных изделий.

Фандуил не без гордости подумал, что и его труда здесь было вложено немало, что массивные гномьи кольца навеки понесут на себе отпечаток эльфийского изящества. Они с Гормом неплохо ладили и прежде, а теперь впервые в жизни совместно выполнили такой ответственный заказ, и это окончательно сдружило их – возможно, даже больше, чем они сами себе признавались в этом. Во время одной из коротких передышек они договорились по окончании работы сделать себе оружие, и теперь занимались этим, пока мастер не пришел к ним за кольцами и не поручил новую работу. Ученики Келебримбера редко оставались без дела.

Горм одним точным движением насадил рукоять на клинок. Зажав изделие в тиски, он с помощью молотка и зубила обстукал основание рукояти, чтобы закрепить ее на клинке. Затем он вынул готовый меч из тисков и обернулся к напарнику.

– Я свое дело сделал, – сказал он, протягивая меч Фандуилу. – Рукоять сам разрисуешь, как тебе нравится.

– Я тоже. – Фандуил взял меч и подал Горму гравированный топор. Тот повертел топор перед горном, разглядывая игру огненных бликов на митриловом кружеве. Небольшие темные глазки гнома сверкнули одобрением.

– Значит, осталась последняя закалка, – деловито сказал он, поскольку сам отпускал сплав перед гравировкой. – Думаю, мы с тобой – такие мастера, что уже можем позволить себе делать именованное оружие.

Это они и собирались сделать – первое в своей жизни оружие с именем – и начали с собственного вооружения. Мастер не поощрял отсебятину, но оба его ученика надеялись на маленькое попустительство по случаю превосходно выполненного заказа. Горм налег на мехи, раздувая огонь в горне, а Фандуил стал разглядывать только что изготовленный клинок.

Белое митриловое лезвие с серебристой изморосью разводов было узким и легким, словно осиное жало. Тем не менее, это была не шпага, а меч, настоящий эльфийский меч, позволявший не только колоть, но и рубить. Вес, длина и баланс были выверены точно по руке Фандуила, тем более что Горм снимал мерку не только с его руки и плеча, но даже с роста и шага, при этом что-то бормоча и вычисляя для себя.

Фандуил заготовил несколько имен заранее, так и не остановившись ни на одном, но все они вылетели из его головы при виде узкого белого лезвия. В мыслях эльфа наступило полное безмолвие, в котором само собой возникло настоящее имя клинка, словно новорожденный меч представился ему.

«Араннион».

Буквально это имя означало на квэньи – царственная оса. Шершень.

Фандуил улыбнулся и взял резец, чтобы легкой эльфийской вязью вывести это имя на рукояти меча. Сбоку опять раздалось шипение – это Горм в последний раз купал в масле свой новый боевой топор. Затем он насадил топор на рукоять и снова залюбовался им.

– Теперь нужно дать ему имя, – сказал он эльфу, только что закончившему выводить надпись. – Не мешай мне, я думать буду.

Во всем, что не касалось кузнечного дела, Горм был не слишком расторопным. Думать было для него отдельной работой, требующей времени, места и полного отсутствия помех. Фандуил знал эту особенность своего напарника, поэтому присел на скамью, дожидаясь завершения труда, тяжелого и непривычного для Горма.

Тот уселся на скамейку у противоположной стены и сосредоточенно уставился на топор. Размышление отражалось на бородатом лице гнома, словно там, под кожаными кузнечными ободком, происходила невидимаяковка неподатливого сплава. Вдруг он вскинул голову, словно от удара мысленного молота, его темные глазки радостно вспыхнули.

– Знаю! – воскликнул он. – Я назову его – «Чегир»!

Фандуил проглотил ухмылку – так на гномьем языке назывался обыкновенный топор-колун. Но разве так уж важно, какое имя носит оружие, если это имя вдохновляет хозяина на битву!

Гном схватился за резец, чтобы собственноручно нанести это имя на топориче. Фандуил вдруг насторожился и привстал на скамейке. Его чуткое эльфийское ухо уловило чьи-то легкие шаги по мощеному двору Дома Ремесел, приближающиеся к двери. И это в такой поздний час, когда они с Гормом были уверены, что в мастерских давно не осталось никого, кроме них двоих! Он бросил быстрый взгляд на гнома, вырезавшего руны. Даже если это сам Келебримбер надумал проведать своих учеников, все равно дело уже сделано и самое большее, что может мастер – это отругать их, а оружие останется с ними.

Шаги остановились за дверью. Фандуил поспешно сделал виноватое лицо и припомнил заранее подготовленные оправдания. Дверь медленно отворилась – бесшумно, как и все двери эльфийских строений – и на пороге кузницы появилась тонкая высокая фигура. Вошедший был по-эльфийски строен и красив, с безупречно очерченным, покрытым гладкой золотистой кожей лицом, с миндалевидными карими глазами очень темного, редкого для эльфов оттенка. Его каштановые волосы выглядели значительно светлее по сравнению с глазами и были самого обычного цвета – у многих нолдоров они были темнее, не говоря уже о Фандуиле, который был из эльфов-авари и имел угольно-черные волосы.

– Мастер Аннатар! – воскликнул Фандуил, на всякий случай не убирая виноватое выражение с лица. Дароносец не интересовался делами учеников и уж в любом случае не стал бы выговаривать им за сделанное без разрешения оружие, потому что это была привилегия их личного мастера – но мало ли что...

– Вчера я видел, что вы доделывали последнее гномье кольцо, – сказал майар, не обратив ровно никакого внимания на новенький боевой топор в руках Горма. – Вы закончили работу над кольцами?

– Да, Аннатар, – торопливо закивал Горм, пряча свой «Колун» за спину.

– Покажите их мне.

Гном оставил топор на скамейке и полез в шкаф, где лежали кольца. Отдельные коробки для каждого кольца изготавливали камнерезы, а пока все семь колец хранились в общей, наспех сделанной Фандуилом коробке, воткнутые в пухлую обтянутую черным бархатом подстилку с семью прорезями.

– Вот они, Аннатар. – Горм откинул крышку коробки перед майаром. Семь митриловых колец засветились на черной бархатной подстилке, озаренные пламенем горна.

Темные глаза Сауруна устремились на кольца. Некоторое время он созерцал их, не говоря ни слова.

– Превосходная работа, ученик мм-м...

– Горм, – подсказал гном.

Мастер Аннатар никогда не утруждал себя запоминанием имен учеников, хотя они много лет подряд попадались ему на глаза в мастерских. Сейчас, однако, это показалось Фандуилу нарочитым, потому что вряд ли майяр не помнил имя Горма, которому поручили изготовить гномьи кольца.

– ... ученик Горм, – благосклонно кивнул Саурон. – Ты уже дал им имена?

Это входило в условие работы – имена кольцам должен был дать гном.

– Да, Аннатар, – охрипшим от волнения голосом подтвердил Горм. – Правда, я посоветовался с мастером Келебримбером, но тот ничего не придумал сам, он только помог мне вспомнить и выбрать.

– Очень хорошо. Представь их мне.

Ни у Горма, ни у Фандуила ни на мгновение не промелькнула мысль – зачем ему это? Он был старшим, он был наставником и, следовательно, имел полное право требовать с учеников все, что ему заблагорассудится. Узкая эльфийская кисть майяра протянулась к темному бархату и взяла первое в ряду кольцо. Фандуил тоже подошел поближе, чтобы еще раз полюбоваться изделиями, и остановился за плечом мастера-наставника.

Камнем первого кольца был округлый кроваво-красный сердолик, заключенный в ободок из повторяющихся петель. Сумел же Горм выбрать из кучи сырья именно этот благородный оттенок, не уступающий лучшим из рубинов – в который раз подивился Фандуил. Полудрагоценные камни недорого ценились сами по себе, они приобретали ценность только в руках настоящего умельца, такого, как его напарник. Увидев это кольцо, сам Келебримбер сказал, что любой растяпа сумеет вставить рубин в оправу, но только подлинный мастер сумеет заставить сердолик выглядеть прекраснее рубина.

– Это «Рагнар», – полусшепотом сказал гном и тут же прокашлялся. – «Пылающий Горн» – на языке моих предков, – на всякий случай добавил он, хотя майяр наверняка знал язык древних гномов.

Саурон повернул кольцо так, что широкий митриловый ободок оказался в его ладони. Глядевшему из-за его плеча Фандуилу вдруг показалось, что тыльный край ободка на мгновение блеснул золотом. Нет, откуда – митрил же белый...

Майяр вернул кольцо в гнездо и вынул следующее. Со второго кольца глядел полупрозрачный желтовато-коричневый «орлиный глаз» со странной игрой светотени в центре, напоминавшей вертикальный зрачок. Его оправа, сделанная Фандуилом по распоряжению Горма, была выполнена в виде двух чешуйчатых век наподобие глаза ящерицы.

– «Ниглаш», – сказал Горм. – «Ночное Око».

Саурон снова шевельнул кольцо в ладони – и снова в ее глубине промелькнул золотой блик. Кроме кольца там, определенно, было что-то еще. Это можно было разглядеть с места, где стоял Фандуил. Если приглядеться.

В третье кольцо был вставлен темно-зеленый нефрит густой и сочной окраски. Камень имел простую полукруглую форму и размещался на выпуклом ложе. От круглого удерживающего ободка расходилась сетка тонких заостренных чешуек или узких листочков, наложенных один на другой.

– «Хальфриг» – «Целитель», – произнес вспотевший от волнения гном. – Нефрит известен своими целебными свойствами, – на всякий случай пояснил он.

И снова митриловый ободок нырнул в ладонь Саурана. На этот раз Фандуил ясно увидел, что он коснулся чего-то небольшого и золотисто-блестящего, вроде золотого самородка или слитка.

Четвертое кольцо было шире остальных и имело большое выпуклое ложе – узор малахита требовал места для размещения. Сам камень был восьмиугольным и зашлифованным плоско, вровень с краями опоры. Его причудливый естественный узор переливался всеми оттенками зелени – только Фандуилу было известно, сколько шлифов сделал Горм, прежде чем остано-

вился на этом. Митриловая часть кольца была покрыта ровной мелкой насечкой, потому что малахит не терпел других узоров в соперничестве.

– «Челих» – «Счастливчик», – сказал Горм и снова добавил: – Малахит приносит удачу.

Теперь Фандуил почти уверился, что майяр прячет в ладони золотой слиток величиной примерно с одно из этих колец и прикасается им к каждому кольцу. Наверняка это было какое-то колдовство, необходимое для завершения работы. Но почему это делалось скрытно?

Камень пятого кольца – искристая бледно-голубая лазурь – также был восьмиугольным и плоским, но в отличие от предыдущего был закреплен на ложе восемью длинными фигурными зажимами, делавшими его похожим на снежинку. Ободок был гравирован тончайшим узором, напоминавшим снежную изморось.

– «Мир-Хигир», – произнес гном. – «Зимний Цветок».

В шестое кольцо была вставлена редкая розовая яшма с тонкими красноватыми прожилками. Камень был вырезан по форме сердца и укреплен на ложе множеством мелких зубчатых зажимов, продолжавшихся выпуклыми, радиально расходящимися митриловыми лучами.

– «Каз-Аркен» – «Сердце Гор», – представил его Горм.

Последнее кольцо заметно отличалось от других – хотя бы тем, что вставленный в него камень был отделан совершенно иначе. Это был угольно-черный обсидиан величиной с крупный алмаз. В отличие от гладкой шлифовки других камней, на него была нанесена бриллиантовая огранка, отчего он напоминал огромный черный алмаз. Но этот камень не излучал блеск, как настоящие черные алмазы – его гладкие, идеально черные грани впитывали любой свет, отдавая в обмен насыщенную бархатную черноту, казавшуюся еще чернее в белом митриловом окружении.

– «Гриндель», – благоговейно прошептал Горм. – «Уголь». Для горного гнома нет ничего важнее угля.

Скрытый в ладони майяра золотой слиточек коснулся митрилового ободка, и Саурон вернул «Уголь» в коробку.

– Верни ее на место, – приказал он гному.

Горм закрыл коробку с кольцами и поставил обратно в шкаф. Саурон не уходил, дожидаясь, пока гном не закроет дверцу.

– Тебе известно, где лежат эльфийские кольца? – спросил он, когда Горм снова повернулся к нему.

Тот вместо ответа вопросительно посмотрел через его плечо на Фандуила. Майяр правильно истолковал его взгляд и обернулся.

– Ты знаешь, где они? – спросил он эльфа.

– Да, Аннатар.

– Показывай.

Эльфийские кольца лежали в рабочей комнате Келебримбера, куда ученики заходили только по приглашению мастера или в крайнем случае постучавшись. Как и все мастерские Дома Ремесел, она никогда не запиралась, но войти туда в его отсутствие было бы вопиющим неприличием.

– Сейчас? – растерянно пробормотал Фандуил. – Но там же нет мастера...

– Я вам мастер! – с неожиданной резкостью сказал Саурон. В его темных глазах мелькнул неприятный холодок, словно они на мгновение превратились в два кусочка остывшего металла. – Веди!

Фандуил послушно кивнул, и они вышли на двор. Кузницы располагались во дворе Дома Ремесел отдельными строениями, а прочие мастерские размещались в корпусах на несколько рабочих помещений. Это были невысокие одноэтажные здания с коридорами внутри, от которых отходили два ряда комнат. За столетия своего существования все они были отделаны уче-

никами не хуже дворцов. Ученики Келебримбера работали в отдельном флигеле слева от кузниц.

Мастерская самого Келебримбера находилась через две двери от входа, как раз за камнерезной. В комнате мастера царил привычный беспорядок, который сам Келебримбер называл рабочим. В самом деле, зачем убирать на ночь незаконченную работу со стола, если на следующее утро ее придется выкладывать снова?

В Ост-ин-Эдиле не существовало воровства – никто не отважился бы на такое в этом городе колдунов, следопытов и лучников – поэтому мастерские не запирали на ночь. И сырье для изделий, нередко очень ценное, и сами изделия лежали в них открыто. Келебримбер обычно оставлял готовые изделия на стеллаже у стены, но они недолго залеживались там, переходя к заказчику или расходясь на подарки. Ради колец он изменил обыкновение, убрав их в резной шкафчик, висевший на стене в углу комнаты. Хотя тот тоже никогда не запирался, для мастера это было верхом предосторожности.

Фандуил подошел к шкафчику и потянул за деревянный шарик на дверце. Все три кольца лежали там. Для них были сделаны отдельные коробочки, похожие на небольшие изящные ларцы. Каждый ларец был украшен кружевной резьбой с отделкой из перламутра и мелких драгоценных камней. Внутренняя отделка ларцов соответствовала цвету камня в каждом кольце – белый атлас был подобран для алмаза в «Нэине», голубой для сапфира в «Вэйале» и розово-красный для рубина в «Наире».

Отличие от гномьих колец, для которых были взяты природные минералы, ни один из этих камней не был натуральным. Все они были выплавлены в жгучем пламени волшебного горна внуком отступника Феанора, выплавившего сильмариллы. Фандуил присутствовал при работе мастера и видел собственными глазами, какая мощная магия легла в основу этих уникальных творений, сила которых должна была превосходить совместную мощь семи гномьих и двенадцати людских колец. Мастеру удалось вложить туда должную силу, и даже с большим запасом.

Саурон молча ждал, когда ученик откроет перед ним ларец с «Нэином», не требуя назвать имя кольца. Понятно, почему – он уже знал имена от самого мастера. Сначала Фандуил подивился, зачем нужно было идти сюда ночью, когда это можно было сделать в присутствии Келебримбера, но затем у него вдруг мелькнула мысль, что это как-то связано с золотым слиточком в ладони майара. Это наверняка было какое-то не известное ученикам волшебство, которое нужно было производить со всеми кольцами сразу.

Рука Саурона протянулась к кольцу. Фандуил внезапно ощутил невидимую вспышку магии, заставившую его вздрогнуть. Рука майара отдернулась, на его красивом эльфийском лице промелькнула тень боли. Фандуил быстро вскинул глаза на Горма, но толстокожий гном и ухом не повел.

Саурон нерешительно потянул руку к ларцу, но затем опустил ее, словно передумав.

– Ладно, после, – сказал он, и вдруг нахмурился: – Почему вы оба торчите в мастерской, если у вас нет работы?!

– Мы сейчас же пойдем спать! – испуганно встрепенулся Горм.

– Да, сейчас пойдем! – подхватил Фандуил.

Он сунул ларец с «Нэином» обратно в шкафчик и шмыгнул мимо Саурона в дверь. Оба ученика понеслись по коридору, сбежали с крыльца и оказались на дворе.

– Уух... – пробормотал гном. – Как выпить дать, выдаст он нас учителю.

– Ты думаешь? – с сомнением произнес эльф.

– А то! Вон он как на нас зыркал, словно насквозь прожечь хотел. Я же свой «Колун» забыл в кузнице на лавке!!! – в ужасе спохватился гном.

Горм с Фандуилом быстро шагали по улице к квартирам учеников. Оба они были приезжими в Ост-ин-Эдиле – гном жил неподалеку, в Казад-Думе, но ведь каждый день не походишь пятнадцать лиг туда и обратно, а родина эльфа находилась дальше, за Мглистыми горами, в Сумрачном лесу, где от самого Пробуждения жили эльфы-авари, Отказавшиеся.

Так их называли за то, что в древнюю эпоху они отказались пойти в Валинор, Беспечальную Землю Айнуоров. Позже они подружились с гномами Казад-Дума, а когда нолдоры поселились у Мглистых гор, познакомились и с ними. Фандуил был одним из молодых авари, посланных перенимать знания и умения, которыми щедро делились нолдорские мастера. Больше всего он интересовался ювелирным искусством, но охотно перенимал и смежные ремесла, и магию.

Горм предпочитал кузнечное дело, был превосходным камнерезом и шлифовальщиком. Мелкие и точные работы давались ему хуже, маг он был вообще никакой. Оба ученика имели свои слабые и сильные стороны, удачно дополнявшие друг друга, поэтому мастер постоянно заставлял их работать в паре, считая, что это полезно и для работы, и для них обоих.

– И мой «Шершень» остался там, – вспомнил Фандуил. – Но, думаю, мастер нас простит, ведь мы такое дело сделали. Да и когда он нас в последний раз строго наказывал?!

– Девять с половиной лет назад, когда ты пролил тигель с расплавленным серебром на почти законченную шкатулку, которую он делал в подарок на свадьбу внучатой племянницы Гил-Гэлада, – без запинки отчеканил гном.

– Это случилось потому, что тебе стало жарко и ты разулся, бросив посреди мастерской сапоги, о которые я споткнулся! – живо напомнил эльф. – Это ты, надеюсь, тоже помнишь?

– Еще бы не помнить! Если бы не это, тогда влетело бы только тебе!

– Если бы не это, я вообще бы не споткнулся и не пролил бы тигель.

– Ладно, когда это было... Тогда мы с тобой были такие молодые и глупые, а сейчас нам, видишь, какую работу поручают!

– Да, и мы с ней справились. – Фандуил улыбнулся. – Сам Аннатар назвал нашу работу превосходной.

– Эх, посмотреть бы еще на те двенадцать колец... Ты знаешь, кто их делает?

– Я спрашивал мастера Келебримбера, и он ответил, что их делают не у нас. Аннатар сказал ему, что сам позаботится о кольцах для атани.

– Атани... – фыркнул гном. – Второй Народ, значит, на квенье этой самой. И что это их так зовут, если вторыми пробудились мы, гномы? Третий они народ, а не второй – вот что я тебе скажу.

– Вы вообще не в счет, вас сделали случайно.

– Как это – случайно?! Это вы с ними непонятно откуда взялись, а наших предков великий Махал создавал поштучно, одного за другим. Мы самые что ни на есть неслучайные!

– Ладно, пусть неслучайные. Значит, считают только случайных, а вы особенные и вас считать не нужно.

Такие подкалывания были нередки между гномами и эльфами, но, как правило, обходились без последствий. Взаимная выгода так давно связывала оба народа, что было бы глупо ссориться по пустякам. Однако и те, и другие недолюбливали людей, или атани, как их называли на языке Валинора. Гномы вообще были недоверчивым народом, еще с тех пор, как семеро их прародителей разбежались от молота своего создателя Ауле, накрепко усвоив при этом, что и родной отец может накинуться с молотом на своего ни в чем не повинного отпрыска. Среди эльфов упорно ходили слухи, что творец всего сущего Илуватар Эру со временем устроит конец света на Арде и возьмет к себе на престол аданов, предварительно отправив уцелевших Перво-

рожденных в чертоги Мандоса – а подобные слухи никогда и никак не способствуют хорошим отношениям.

Во многом были виноваты и сами люди. Хоть они и не воевали с эльфами, как орки, но в обиходе мало чем отличались от орков. С первых лет появления аданов в Средиземье эльдары стремились привить им культуру и знания – такова была воля Эру, да и самим Перворожденным не хотелось иметь дикарей под боком. Линдонские эльфы преуспели в этом, окультуривав соседние роды, ведущие начало от Балана, Мараха и Халдада, но по другую сторону Синих гор людские племена были предоставлены самим себе, пока после Войны Гнева туда не пришли нолдоры. Сейчас аданы усилились так, что шаткое равновесие сотрудничества грозило рухнуть в любой день, и это оказалось главным доводом в решении Общего Совета эльфов и гномов.

Простодушный гном не заметил скрытой иронии эльфа.

– Да, мы особенные, – энергично подтвердил он. – Мы – дети Махала и подданные Дарина, Который Перевоплощается.

– Как я понимаю, это уже случилось дважды? – хмыкнул Фандуил, потому что сейчас первым кланом горных гномов управлял Дарин Третий.

– Да, и старейшины говорят, что наш нынешний король – вылитый портрет своего великого деда. Когда я делал «Гриндель», я от души надеялся, что именно это кольцо попадет к королю Дарину.

– Это еще как решит... – Фандуил вдруг остановился, охваченный внезапной догадкой.

Гном тоже остановился и обеспокоенно глянул на своего напарника:

– Ты чего? Какой Небесный Молот благословил твою макушку?

– Послушай, Горм... – потрясенно прошептал эльф. – Он же не смог прикоснуться к «Нэину»...

– Кто?

– Он. Аннатар.

– Что значит – не смог? Я видел сам – он хотел взять «Нэин», но передумал.

– Нет, не передумал. Дело в том... – Фандуил запнулся, не решаясь выдать секрет своего учителя, но все-таки продолжил: – Дело в том, что на эти кольца наложено заклятие, такое же, как на сальмариллы. Может, не такое сильное, но оно делает то же самое.

– Неужели? – вытаращился на него гном. – Откуда ты знаешь?

– Мастер Келебримбер – внук великого Феанора, он узнал это заклинание от деда. Два дня назад он позвал меня к себе и сказал, что такие могущественные кольца, как «Нэин», «Вэйал» и «Наир», нужно защитить от попадания в дурные руки, так как слишком опасно оставлять их незащищенными. И еще он сказал, чтобы я, как самый лучший его ученик – среди эльфов, конечно, – поспешно добавил он, увидев, как надулся гном, – чтобы я побыл с ним и посмотрел бы, как делаются такие заклинания. А затем он прямо там, при мне, наложил заклятие на кольца, чтобы они жгли руку каждого, кто прикоснется к ним с дурным умыслом.

– И ты все время молчал? – буркнул обиженный Горм. – Даже со мной?

– Мастер велел молчать. Но сейчас до меня наконец дошло, что «Нэин» обжег Аннатара. Я видел по его лицу – ему было больно. Да и этот ночной поход в рабочую комнату мастера... конечно, Аннатар может позволить себе многое – но такое... По-моему, все это нужно рассказать учителю.

– А если ты ошибся? Мы – только ученики и не можем знать всего, что решают между собой мастера. А вдруг они договорились заранее? Как тогда мы будем выглядеть перед учителем? Ведь это же Аннатар, понимаешь – сам Аннатар!

– Да, верно. – Фандуил потупился, представляя в красках нарисованную гномом картину. – Наверное, об этом лучше промолчать. Ты ведь не проболтаешься, Горм?

– Когда это мы, гномы, болтали?! – возмутился Горм. – Это не нас зовут квэнди!

Дом ремесел располагался в наземной части Ост-ин-Эдила. Здесь же размещались торговые лавки, дома для приезжих учеников и гостиницы для посетителей города. Сами нолдоры жили в его древесной части, в дубраве, посаженной в первые годы их прибытия и широко разросшейся за истекшие полтора тысячелетия. Небольшие каменные домики эльфов были живописно разбросаны под дубами и вокруг дубов, а на толстых ветвях могучих тысячелетних деревьев были размещены деревянные веранды и пристройки, к которым вели винтовые лесенки вокруг узловатых стволов.

Фандуил был нечастым гостем в древесных жилищах нолдоров, Горм и вовсе не бывал там, потому что боялся высоты. Оба друга целыми днями работали в мастерских, а нередко и вечерами, если им поручали срочную работу. Если же выдавался свободный вечер, они проводили его в таверне наземного Ост-ин-Эдила или отправлялись на поляну песен, располагавшуюся на опушке древесного Ост-ин-Эдила. Правда, за время работы над кольцами Горм с Фандуилом успели забыть, когда в последний раз навещали эти места.

Наутро они встали ни свет ни заря и поспешили в кузницу, надеясь успеть туда до прихода мастера. Но когда они, запыхавшись, влетели в дверь, то первым, что они увидели, был Келебримбер, который с интересом разглядывал меч Фандуила, лежавший у него на ладонях.

Оба ученика глянули на меч, затем на лежавший на лавке топор, затем друг на друга, затем на мастера.

– Мы закончи... – хором начали они, перебив друг друга, и замолчали.

Мастер Келебримбер перестал разглядывать меч и остановил взгляд на учениках. Высокий и стройный, темноволосый, как большинство нолдоров, он считался красивым даже среди Перворожденных. Его безупречная золотистая кожа выглядела покрытой легким загаром, хотя была такой от рождения. Солнце было не властно над кожей Перворожденных, как и погодные условия, поэтому кожа каждого из эльфов в течение жизни сохраняла оттенок, доставшийся от предков. Серые глаза Келебримбера – типично эльфийские глаза, миндалевидные, чуть раскосые – смотрели спокойно и внимательно.

Горм прокашлялся и начал снова:

– Мы закончили работу, учитель.

– Вечера вечером кольца смотрел сам Аннатар и одобрил их, – добавил Фандуил.

– Да, я тоже посмотрел их, – кивнул Келебримбер. – Хорошая работа. Теперь на кольца осталось наложить заклинание приязни. Поскольку еще не родился гном, способный выполнить такое заклинание, я сделаю это сам.

– А что теперь мы будем...

– А что теперь нам будет...

Они снова перебили друг друга и снова замолчали.

– Вам? – Келебримбер на мгновение задумался, и им вдруг показалось, что в глубине его серых глаз скользнула тайная искорка улыбки. – А теперь вам нужно будет пойти и нарезать тисовых веток для луков. В мастерской осталось мало сырья.

Эта работа была, пожалуй, даже почетной. Мастер никогда не послал бы неопытного новичка за древесиной для луков, потому что искусство изготовления лука начиналось с умения выбрать и срезать подходящую ветку. Никто из эльфов не позволил бы попусту портить деревья и ценное сырье.

– Да, учитель! Мы мигом!

Оба так поспешно развернулись к выходу, что непременно столкнулись бы лбами, если бы голова Горма не находилась на уровне груди Фандуила.

– Пойдите! – окликнул их Келебримбер. Тайный огонек улыбки в глазах мастера проявился и выскользнул наружу. – Вы забыли взять свои поделки.

Они отнесли оружие домой и пошли за тисовыми ветками. Подходящие деревья росли и в окрестностях древесного Ост-ин-Эдила, но только невменяемый рискнул бы навлечь на себя гнев эльфов, занявшись заготовкой сырья рядом с их жилищами. В ближних лесах трудно было найти хорошую древесину для луков, поскольку заготовки велись постоянно, зато в трех лигах к северу начинался большой смешанный лесной массив. Он тянулся вдоль Мглистых гор до самого северного края хребта.

Этот лес был известен каждому ученику как превосходный источник поделочного сырья, в том числе и древесины для луков. Горм и Фандуил отмахали четыре с лишним лиги по дороге, а затем свернули в чащу. Здесь росло множество тисов подходящего возраста, и эльф с гномом за короткое время нарезали по вязанке сучьев, хотя придирчиво выбирали каждую ветку. Засунув топоры за пояс, они взвалили на себя вязанки и вернулись на дорогу.

Там они заметили одинокую фигуру путника, направлявшегося в Ост-ин-Эдил. Это был долговязый парень-атани с растрепанной шевелюрой льняного цвета. Издали его даже можно было бы принять за эльфа – но только если бы он стоял, потому что ни у кого из эльфов просто не могло быть такой угловатой и размашистой походки. На плече парня висела лютня в кожаном чехле, подпрыгивавшая в такт каждому его шагу.

Горм и Фандуил с одного взгляда определили в нем бродячего музыканта и потеряли к нему всякий интерес. Музыканты-атани нередко заходили в Ост-ин-Эдил, чтобы послушать эльфийскую музыку и добавить в свой репертуар несколько эльфийских песен. Парень, однако, тоже заметил их и живо заинтересовался ими.

– Эй! – закричал он им в спины. – Эй!

Они остановились и оглянулись. Парень впритруску заторопился к ним, поддерживая локтем прыгающую на плече лютню.

– Подождите! – крикнул он на бегу. – Скажите, далеко мне идти до Ост-ин-Эдила?!

Он подбежал и остановился в нескольких шагах перед ними. У него было открытое лицо с едва намечавшимся пушком над верхней губой и жизнерадостный взгляд, с юношеским любопытством устремлявшийся на все, что попадалось навстречу.

– Сколько еще осталось до Ост-ин-Эдила? – повторил он.

– Четыре с половиной лиги, – ответил Горм.

– А я не собьюсь с пути?

– Нет, дорога прямая.

– А вы туда идете, да? – спросил парень. – Ой, да ты ведь – гном!

– Ну, гном, – неодобрительно подтвердил Горм. – Ну и что, что гном?

– Да просто я никогда не видел гномов. А тут живой гном – вот здорово! – Любопытный взгляд парня перескочил на Фандуила. – А ты – уж не эльф ли? У тебя глаза вон какие большие да зеленые.

– Эльф. – Фандуил не стал добавлять, что он из авари, потому что люди редко разбирались в тонкостях эльфийского происхождения.

– А где же твои уши?

– Как где? На своих местах, конечно.

– Но почему тогда их не видно? – Парень бесцеремонно подскочил к Фандуилу и начал разглядывать его уши. В отличие от человеческих, внешний край верхней части ушной раковины эльфа заканчивался не закруглением, а небольшим уголком. – Я-то думал, что они торчат, а тут всего-ничего, – разочарованно протянул он.

– А почему ты решил, что они должны торчать? – спросил опешивший Фандуил.

– Да у нас в городе все называют эльфов торчкоухими. Я и думал, что уши у вас точь в точь как у сказочного заморского зверя азинуса.

Эльф с гномом переглянулись. Непосредственность этого парня превосходила все мыслимые пределы.

– Ты еще скажи, что у нас носы как у сказочного заморского зверя олифанта, – нашелся наконец Фандуил.

– Ох, вот умора-то! – рассмеялся парень. – А как там, в Ост-ин-Эдиле – там вправду кормят даром? Меня там накормят?

– Накормят, – подтвердил гном. – И накормят, и поселят, и не выгонят – пока будешь вести себя прилично и не будешь бездельничать.

– Это хорошо. Я буду играть эльфам на лютне.

Фандуил с Гормом снова переглянулись.

– А вы сюда за хворостом пришли? – спросил парень. – Неужели вы его за четыре с половиной лиги от дома собираете?

– Нет, это сырье для луков, – снизошел до объяснения эльф.

– Давайте, я с вами пойду, раз нам по пути. Меня зовут Рамарон, – представился он, не дожидаясь их согласия.

– А что это имя означает на вашем языке? – любопыствовал Фандуил. Он неплохо знал язык атани, но такого слова еще не слышал.

– Это? Ну... – Парень слегка смутился. – Голосистый.

– Если бы только голосистый, – хмыкнул гном. – Как мне известно, у них так называют не просто парня с широкой глоткой, но еще и такого, кто разевает эту самую глотку где не надо и когда не надо. Короче говоря, горлан или пустозвон – сам выбирай, что больше нравится. И еще такого, кто вечно сует нос не в свое дело.

– Как это дело не мое, если оно происходит при мне? – искренне удивился Рамарон. – Еще наши прозывают меня Даэроном – за песни – но не знаю, как это там, у эльфов...

– Да уж, лучше не надо, – подтвердил Горм. – Подожди, пока сами эльфы назовут тебя так.

– А вас как зовут? – не дождавшись ответа, парень глянул на Фандуила: – Тебя вот – как? Фандуил нехотя назвал свое имя.

– И что это значит по-вашему?

– На наречии авари это нечто вроде «искатель следа на тайных тропах волшебного леса».

От нашего «уиллэ» – след.

– Значит, Лесной Следопыт, – просто и практично перевел Рамарон. – А тебя как зовут, гном?

– Горм, – буркнул тот.

– А это что-нибудь значит?

– Конечно – как же без этого? – Горм задумался, но затем энергично потряс головой. – Нет, на ваш язык это не переводится.

– Так у гномов называется винт больших кузнечных тисков, по которому ходит зажим, – ответил за него Фандуил.

Смирившись с обществом докучливого атани, как с неизбежным злом, эльф и гном зашагали обратно в Ост-ин-Эдил. Всю дорогу Рамарон болтал без умолку, то рассказывая о себе и о своей коротенькой жизни, то выспрашивая своих попутчиков об эльфийском городе и о них самих. По пути они объяснили парню основные правила поведения в Ост-ин-Эдиле, а по приходе в город помогли ему договориться насчет комнаты и показали бесплатную столовую для учеников. Не бросать же им было, в самом деле, этого большого человеческого ребенка одного

в незнакомом месте! Устроив Рамарона, Фандуил с Гормом наконец извинились и покинули его, сказав, что им давно пора в мастерскую.

– Послушай, Фандуил, ты же ведь бессмертный, – обратился он напоследок к эльфу. – Скажи, а как это – быть бессмертным?

– Откуда мне знать? – пожал плечами тот. – Мне и сотни лет не исполнилось.

В последующие дни Горм и Фандуил еще не раз оказывались в обществе Рамарона. Он упорно продолжал считать их своими лучшими друзьями, хотя они не подавали ни малейшего повода к этому. Впрочем, они не подавали повода и к обратному. Парень так искренне радовался, завидев их на зеленых улочках наземного Ост-ин-Эдила, что им было просто жалко разочаровывать его.

Постепенно они привыкли к Рамарону, как привыкают к приبلудившемуся щенку. Пожалуй, эльфу и гному даже стало казаться, что им чего-то не хватает в отсутствие этого атани. Неумное любопытство и юношеская восторженность Рамарона были освежающим дополнением к тихой серьезности Фандуила и важной невозмутимости Горма, с необычайной легкостью сменяющейся взрывом яростного негодования. Как известно, кажущаяся невозмутимость горных гномов была обратной стороной их вспыльчивости – в этих детях подземного царства было что-то от величественного спокойствия горных склонов, готовых в любое мгновение обрушиться каменной лавиной.

Рамарон очень быстро распрощался с намерением играть на лютне для эльфов. После первого же посещения поляны танцев он мрачно поклялся друзьям, что и рта не раскроет в присутствии обитателей древесного Ост-ин-Эдила – так поразила его музыка и песни эльфов, услышанные в исполнении их самих. Тем не менее он каждый вечер приходил на поляну и слушал их песни, как зачарованный.

Однажды друзья взяли его с собой в одну из эльфийских чайных древесного Ост-ин-Эдила, куда приезжие попадали только по приглашению постоянных обитателей дубравы. Кружевная беседка чайной располагалась вокруг проходившего сквозь нее ствола гигантского дуба, на его нижних ветвях, куда отваживался подняться даже Горм. Ее содержала Кэриэль – миниатюрная эльфийка с глубокими бархатно-карими глазами и водопадом темных, чуть вьющихся волос, красивая невысказанно хрупкой и утонченной, трепетно-изящной красотой.

Кэриэль была даже не из Старших нолдоров, родившихся еще в Валиноре. Она была из Древних – не из Рожденных, а из Пробужденных – первых эльдаров, проснувшихся на берегу озера Куивизнен. Глядя в эти теплые умные глазки, трудно было поверить, что это они видели первые звезды над озером Куивизнен и дивный свет Вековечных Дерев Телперииона и Лаурелина, что это они глядели в черное небо над ледяными торосами пролива во время исхода нолдоров из Беспечальной Земли и оплакивали мужа, погибшего в дни Войны Гнева. В Валиноре она была близкой подругой Эленвэ и ехала через пролив вместе с супругой Тургона, когда их повозка провалилась в полынью. Кэриэль успела ухватиться за острую кромку льда на краю полыни, тогда как Эленвэ с ребенком на руках затянуло под лед. Ее вытащили из ледяной воды и тут же растерли горячим потником с верхового коня – и этим спасли ее висевшее на паутинке бессмертие.

Она светилась радостью жизни, словно за ее плечами не лежали прожитые тысячелетия со всеми их невзгодами и утратами. Придя в Ост-ин-Эдил вместе с остальными нолдорами, Кэриэль устроила здесь чайную в два десятка мест, для которой сама собирала травы и пекла сладкие крендельки. Эльфы приходили сюда по вечерам, чтобы посидеть за чашечкой душистого настоя под присмотром заботливой хозяйки и сыграть на лютне для своих друзей. Кэриэль не брала за угощение денег, но с детской радостью принимала подарки своих завсегдатаев

– всевозможные безделушки из дерева, резные мисочки и вазочки, подвесные горшочки для цветов и настенные панно – а затем украшала ими стены и столики маленькой чайной, столетиями создавая и пестуя свой островок Беспечальной Земли посреди суровых просторов этого мира.

Друзья пришли в чайную рано, когда большинство столиков еще пустовало. Приветливые глаза Кэриэль засветились им навстречу, словно два уютных домашних очага. Хозяйка этого славного местечка хорошо знала Фандуила, которого ей представил сам Келебримбер, она была знакома и с гномом, изредка приходившим сюда за компанию со своим напарником, но вряд ли ей случалось принимать у себя в чайной атани.

Она улыбнулась застенчившемуся Рамарону и сама пригласила его войти, справедливо рассудив, что эльф с гномом уже достаточно освоились в ее чайной. Когда все трое уселись за столик, Кэриэль предложила ему различные напитки, а когда Рамарон растерянно уставился на нее, посоветовала ему, что выбрать, и ушла за угощением.

Пока они ждали заказанное, в чайную стали подходить эльфы. В древесном Ост-ин-Эдиле было немало таких уютных уголков, где можно было провести вечер, и в каждом из них обычно собиралась более-менее постоянная компания. Завсегдатаи чайной втайне поглядывали на редкого гостя-атани, на мальчишеской физиономии которого огромными буквами было написано простодушное «Вот здорово! Эльфы!», но старались не проявлять открытого любопытства, чтобы окончательно не смутить парня.

Вскоре пришла Кэриэль с подносом и стала разносить по столикам вазочки с крендельками и хрустальные чашечки для освежающих напитков. В воздухе запахло душистыми травами, заваренными в серебряных кувшинчиках, и пряностями, щедро добавленными в сдобу. Зазвенело серебро и хрусталь, с соседних столиков послышались негромкие мелодичные голоса эльфов, деливших друг с другом событиями прошедшего дня. Затем кто-то из них снял со стены лютню, и в маленькой чайной зазвучала тихая песня.

Хозяйка сидела в компании с посетителями, словно была одной из них, но незаметно приглядывала за своими гостями, то унося опустевшую посуду, то добавляя на столики напитки и лакомства. Во второй половине вечера она подошла к Рамарону и ласково осведомилась, все ли ему здесь удобно и что еще она может сделать для него.

– Все здесь – просто лучше некуда, прекрасная госпожа Кэриэль, – промямлил потрясенный таким обращением парень. – Я... я не знаю, как у вас здесь принято, прекрасная госпожа... но вы только скажите, как мне отблагодарить вас – и я все для вас сделаю. Как эти ваши друзья благодарят вас... вот за все это? – Его восторженный взгляд обошел маленькую чайную.

Кэриэль улыбнулась, словно ребенок, которого похвалили.

– Кто как может, – прозвучал ее нежный голосок. – Наши мастера дарят мне поделки для украшения чайной – вот, к примеру, мастер Фандуил подарил мне эту замечательную серебряную фруктовницу, и вон та вазочка тоже. Женщины плетут мне коврики, салфетки, или приносят сюда что-нибудь вкусенькое, а наши лучшие барды, бывает, дарят мне песню. Я очень люблю слушать песни.

Выразительная физиономия Рамарона опечаленно вытянулась.

– Я не умею ни делать вазочки, ни плести салфетки. Я умею только петь песни, но не такие, как у вас, эльфов. Я был бы счастлив спеть для вас, прекрасная госпожа Кэриэль, но мои песни никак не могут сравниться с эльфийскими. Боюсь, что они только осквернят ваш слух, прекрасная госпожа.

– Песня, исполненная от чистого сердца, никогда не осквернит слух, – сказала ему эльфийка. – Спой мне, пожалуйста, свои песни – я буду рада послушать их.

Кэриэль подошла к недавно певшему эльфу и взяла у него лютню.

– Вот, – подала она лютню Рамарону. – Пой, пожалуйста.

Тот растерянно принял инструмент из ее рук. Однако, вся растерянность Рамарона улетучилась, едва он прикоснулся к струнам. Уже первые его аккорды прозвучали мощно и уверенно, даже властно. В маленькую чайную, где по вечерам звучали нежные напевы эльфов, ворвалась другая музыка – музыка атани. Никто из эльфийских музыкантов и не помыслил бы, что такой благозвучный инструмент, как лютня, может вдруг обернуться порывом бурного ветра, дерзким тугим парусом на штормовых волнах. В мир стучалась сила Второго Народа, недолговечного и плодовитого, беспокойного и непоседливого – новая сила, стремящаяся везде побывать и все успеть за ничтожный срок, отпущенный ей творцом Илуватаром.

И нолдоры поняли эту силу. Поняли и приняли – это было видно по их глазам, когда они слушали Рамарона. Его песни опирались об это понимание, словно орлиные крылья о воздух, и яростно устремлялись ввысь. Каждый вечер он слышал напевы Первороденных и втайне проклинал себя за то, что никогда ему не спеть, как поют они – но сегодня эта публика была его.

Когда он закончил петь, все эльфы в маленькой чайной продолжали смотреть на него. В устремленных на него взглядах было одобрение, понимание, даже восхищение и много чего еще – и Рамарон вдруг отчаянно смутился и покраснел до ушей. Без лютни в руках он был обыкновенным мальчишкой-атани, еще не доросшим до своего таланта.

– Спасибо, Рамарон, – поблагодарила его Кэриэль. – Теперь мы знаем, что твой народ может рождать такие песни. Ты еще слишком молод, чтобы понять, что ты рассказал нам сегодня – и я желаю тебе, чтобы ты успел дожить до настоящего понимания. Это самое большее из того, что мне хотелось бы пожелать тебе.

– Сколько бы я ни прожил, мне все равно не стать таким, как нолдоры – Премудрые, – пробормотал он.

– Премудрые – это неточный перевод на атани, закрепившийся в исторических преданиях, – поправила его эльфийка. – На самом деле древнеэльфийское слово «нолдоры» означает «искатели мудрости». Ведь мудрость – это такая вещь, которой никогда не бывает слишком много. Гораздо чаще ее не хватает даже нам, нолдорам.

Она взяла у него лютню и повесила на стену. Было ясно, что после Рамарона сегодня здесь никто не будет петь. Друзья выпили еще по чашечке настоя, а затем простились с хозяйкой и ее гостями.

– Ты им понравился, – сказал ему Фандуил, когда они возвращались домой. – Теперь они всегда тебя примут.

Вскоре учитель поручил Фандуилу и Горму новую работу. Она была не срочной, но оба друга по давно заведенной привычке стали оставаться вечерами в мастерской и забыли про Рамарона. Несколько дней спустя, ранним вечером, когда у них еще всю кипела работа, дверь в кузницу вдруг отворилась и на пороге появился Рамарон.

– Ты что?! – ужаснулся Фандуил, узнав его. – Сюда нельзя посторонним!

– Какой же я посторонний? – удивился тот. – Я же ваш друг!

Быстрые глаза Рамарона с голодным любопытством обшаривали кузницу, перескакивая на пышущий жаром горн, на полки с заготовками, на скамейки, на угол с ветошью и ящики с металлическими слитками и обрезками. Увидев блестящий белый брусок на чугунной подставке, он шагнул к нему и протянул руку.

– Стой!!! – взвыл за его спиной Горм.

Рука Рамарона сама отдернулась от бруска.

– Я же только хотел потрогать... – растерянно пробормотал он.

– Потрогать... – передразнил его гном. – Я же только что вытащил эту чушку из горна! Еще чуть-чуть – и вспомнил бы ты сильмариллы Феанора!

– Да? – Рамарон опасливо покосился на брусочек. – Что-то вас давно не видно в городе – вот я и решил зайти узнать, что у вас случилось.

– Да ничего – просто работаем... – Горм вдруг замолчал и уставился на дверь, то же самое сделал и Фандуил. Рамарон обернулся и увидел высокого эльфа, вошедшего в кузницу.

– Что это значит? – спросил эльф. – Почему в мастерской посторонние?

– Мастер Келебримбер... – начал Фандуил и растерянно запнулся.

Глаза Рамарона широко распахнулись и вытаращились на эльфа.

– Келебримбер! – изумленно выдохнул он. – Так это ваш отец стрелял в Лучиэнь!

Горм с Фандуилом примерзли к полу. Хотя они уже привыкли к непосредственности своего нового приятеля, подобная выходка казалась невообразимой даже для него. Но Келебримбер даже и не глянул на Рамарона, словно того не было в кузнице.

– Кто этот атани? – обратился он к ученикам.

– Это... ну... один наш знакомый... – прохрипел Горм.

– Это... это Рамарон... – пробормотал Фандуил. – Он – бард, тот самый, который пел в чайной Кэриэль...

– А, слышал. – Серые глаза мастера уперлись в Рамарона, словно тот только что вырос перед ним из-под земли. – Мне известно, что барды сочиняют всякую небывальщину, но я никак не думал, что они сами в нее верят. Эта история неверна хотя бы потому, что не было такого случая, чтобы Карафин Искусный промахнулся. Если он попал в Берена, значит, он стрелял в Берена. И если он не убил Берена, значит, он не хотел убивать Берена. Даже если допустить, что первый выстрел не убил Берена по случайности, неужели ты думаешь, что в колчане моего отца больше не было стрел?

Рамарон, похоже, нисколько не понимал вопиющей бестактности своего поведения.

– Но и Берен, и сама Лучиэнь утверждали, что Карафин целил в Лучиэнь, – заявил он.

– Возможно, это им показалось из-за поправки на ветер. Я никогда не поверю, что мой отец стал бы стрелять в женщину. При желании он мог бы в считанные мгновения превратить всех их в подушечки для булавок, включая собаку, но он выстрелил только однажды.

– Но в легенде говорилось, что Карафин стрелял дважды, – заспорил Рамарон.

– Это был сдвоенный выстрел. У отца был такой лук, который выпускал сразу по две стрелы. Поскольку стрелы были на излете, одну из них перехватила собака, но вторая попала в цель.

– Откуда вам это известно?

– Мой отец рассказывал эту историю за обедом, когда они с дядей вернулись с охоты. По его словам, в тот день они встретили в лесу принцессу Лучиэнь, которая выглядела хуже последней нищенки. С ней была большая дворняга и грязный, обросший волосами атани...

– Это же был сам великий герой Берен! – перебил его Рамарон.

– Это он сейчас герой, да и то только у атани. Многие эльфы до сих пор считают этот брак несколько... скандальным – тем более, что Лучиэнь была еще слишком молода для супружества. В те дни было неизвестно, куда и зачем пошли эти двое, а Тингол буквально заваливал окрестных правителей письмами с просьбами спасти его дочку. Поэтому отец с дядей хотели взять ее с собой, чтобы позаботиться о ней и избавить ее от неподобающего общества, но атани накинулся на них как сумасшедший, а она подняла такой крик, что они в конце концов оставили эту парочку в покое.

– Говорят, что это Берен прогнал их, – продолжал настаивать Рамарон. Горм и Фандуил столбами стояли у наковальни и тихо удивлялись дерзости этого парня.

– Чтобы двое сыновей Феанора не справились с одним атани, каким бы он ни был героем? – приподнял бровь Келебримбер. – Такое только барды могут выдумать. Нет, отец с дядей оставили принцессу и поехали прочь, но когда они отъехали на приличное расстояние, Берен прокричал им вслед такое, что рука моего отца сама взялась за лук.

– Но в легенде говорится, что Келегорм напал на них, потому что хотел взять Лучиэнь в жены. И разве он не узнал своего пса Гана?

– Дядя не мог помнить всех дворян, которые жили у него в замке. Да, одно время он подумывал жениться на Лучиэнь, когда она станет на несколько десятилетий постарше, но затем история с Береном выплыла наружу, и он передумал. Сказал, что если ее мать-майка вышла замуж за квэнди, а сама она путается с атани, то ее дочка, наверное, выскочит за орка. Если в первый раз он еще удерживал принцессу, надеясь отговорить ее от опрометчивого поступка, то к этому времени он уже не питал к ней никакого личного интереса. Они с отцом тогда послали письмо Тинголу – порадовать его известием, что они видели принцессу живой и здоровой, но Тингол не оценил этой любезности. Напротив, он отказал им от дома, так и не простив им, что они не пристрелили Берена.

На выразительном лице Рамарона проступило сомнение.

– А может, они рассказали неправду? – предположил он. – Ведь никто не видел, как все было на самом деле.

– Да, свидетелей не было, – согласился Келебримбер. – Но даже если Берен и Лучиэнь действительно считали, что все было так, как рассказывали они, я склонен верить отцу и дяде. Я помню, что в тот день они не злились, а потешались над своим приключением. Если бы они и впрямь хотели захватить принцессу силой, они просто выслали бы отряд в погоню.

Фандуил наконец пришел в себя и дернул Рамарона за рукав.

– Что ты мелешь, дурак! – прошипел он сквозь зубы.

Келебримбер услышал его шепот и перевел на него взгляд.

– Оставь, Фандуил, – сказал он. – Роду Феанора вечно приписывают все мыслимые и немыслимые гадости – так пусть хотя бы ваш друг убедится, что мы не едим людей живьем. Кто-то делает историю, а кто-то ее пишет, и каждый пишет ее по-своему. С этим ничего не поделаешь, и самое лучшее – просто не замечать этого.

Горм с Фандуилом облегченно вздохнули. Они отклеились от пола и подошли к Келебримберу.

– Мне нужно поговорить с вами, – сказал им мастер. – А ты, – обратился он к Рамарону, – подожди своих друзей на улице. И запомни на будущее, что находиться в мастерских разрешено только ученикам. Здесь много опасного оборудования и несведущий легко может причинить себе такое, от чего и сама Эстэ не вылечит.

Рамарон пошел из кузницы, но остановился на пороге и оглянулся.

– А сами вы видели Лучиэнь? – спросил он Келебримбера.

– Да, видел, – ответил тот. – Однажды, когда отец взял меня на переговоры с Тинголом.

– Она и вправду самая красивая на свете?

Мастер был достаточно вежлив, чтобы вовремя подавить ироническую усмешку.

– Нет, я бы так не сказал. Просто ее красота наиболее соответствовала вкусам атани.

Когда шаги Рамарона стихли в коридоре, оба ученика повернулись к мастеру.

– Это вышло случайно, учитель...

– Извините, учитель...

– Очень непоседливый малый, даже для атани, – заметил Келебримбер. – Кэриэль хвалила его, сказала даже, что когда-нибудь он станет великим бардом – если успеет. Раз вы ему друзья, последите, чтобы он не свернул себе шею до срока.

Это только для людей все эльфы выглядят молодыми. Между собой они так же безошибочно различают друг друга по возрасту, как люди различают детей, взрослых и стариков. Возраст эльфа определяется его духовной зрелостью, а та, в свою очередь, – прожитыми столетиями.

ями и тысячелетиями. Эльфы разного возраста редко водят компанию – дружат обычно равные по возрасту. Это равенство исчисляется сначала годами, а затем десятилетиями, переходящими в столетия. Со временем разница сглаживается, и все эльфы старше двух тысяч лет считаются как бы ровесниками.

Эльфы были созданы Творцом не для войн. Прекрасная неувядающая плоть была дана им для бесконечно долгой жизни, для достижения высот духовной красоты и совершенства. Ни один зверь Арды не посмел бы коснуться эльфа – но в мире появились орки и другие творения Мелькора. Кроме того, были сами эльфы. Были люди. Были стихийные бедствия и несчастные случаи. Поэтому к середине Второй Эпохи в Средиземье почти не осталось Древних эльфов с берегов озера Куивизнен, мало было и Старших, видевших Беспечальную Землю Валинор.

Они держались особняком и, казалось, были связаны невидимыми нитями друг с другом. При встречах они почти не употребляли слов – только обменивались взглядами, и это говорило им больше, чем любые слова. Таким был правитель Ост-ин-Эдила Теркеннер, сын Маэглора и внук Феанора, таким был его двоюродный брат Феанарэ по прозвищу Келебримбер, такой была Кэриэль, Древняя, и еще несколько ост-ин-эдилских эльфов. Большинство из ушедших в Эрегион эльфов родились в линдонских землях, а сейчас, полтора тысячелетия спустя, население Ост-ин-Эдила состояло преимущественно из родившейся здесь эльфийской молодежи. Древних и Старших здесь уважали наравне с валарами, а может, и больше, потому что местные эльфы были потомками нолдоров, со скандалом ушедших из Валинора и этим заслуживших проклятие Мандоса. В Ост-ин-Эдиле не любили валаров, хотя и считались с ними.

Никто из младших эльфов и помыслить не мог, чтобы обратиться к Старшему так, как это сделал Рамарон. В глазах Фандуила это было все равно, что уронить небо на землю, но самого Келебримбера это нисколько не задело. С его точки зрения, возмущаться наивной дерзостью малолетнего атани было так же нелепо, как наказывать младенца, промочившего колени своего воспитателя.

Выпроводив Рамарона, он заговорил о деле, с которым пришел к своим ученикам:

– Завтра я уезжаю из Ост-ин-Эдила. Поездка будет длительной, на три-четыре месяца, а, возможно, и дольше. Саурон позвал меня с собой для помощи в одном деле, где требуется участие искусного мастера.

Он замолчал и задумался.

– А что это за дело, учитель? – полюбопытствовал Фандуил.

– Саурон сказал, что оно нужно для успеха затеи, для которой вы делали гномьи кольца, но пока не посвятил меня в подробности. Поскольку вы принимали в ней участие, я оставлю вам поручение – отдайте кольца Теркену, когда он обратится к вам за ними. Все они лежат у меня в мастерской, в настенном шкафчике. Я выезжаю рано утром и у меня уже не будет возможности поговорить с братом, поэтому передайте ему, чтобы он пока не отсылал их, а оставил бы до моего возвращения.

– Разве они не готовы, учитель?

– Я считал, что все уже готово, но Саурон утверждает, что с ними нужно сделать кое-что еще. Он сказал, что объяснит мне все во время поездки.

Фандуилу вдруг вспомнилось, что Аннатару так и не удалось прикоснуться своим кусочком золота к эльфийским кольцам. Он снова подумал, не рассказать ли об этом мастеру, но так и не набрался решимости.

– А что нам сказать, если он захочет узнать, чем вызвана эта задержка? – только и спросил он.

– Ничего. Скажите просто, что так нужно, а пока они пусть полежат у него. Мне не хочется оставлять их в мастерской без присмотра. Когда вы отдадите кольца и закончите свою последнюю работу, можете навестить родных, но постарайтесь вернуться не позже, чем через

четыре месяца. Особенно это касается тебя, Фандуил – ты живешь дальше, чем Горм, поэтому учитывай время на дорогу.

– Да, учитель, – хором ответили оба.

Келебримбер попрощался с ними и ушел. Горм и Фандуил растерянно взглянули друг на друга – на их памяти это был первый случай, когда мастер куда-то уезжал. Оба ученика так привыкли к его внимательному, дружелюбному присутствию, что почувствовали себя осиротевшими. Горм оглянулся на работу, которая отчего-то вдруг стала скучной.

– Ладно, хватит на сегодня, – сказал он. – Пошли на улицу, там Рамарон ждет.

Действительно, парень всё еще крутился там, развлечения ради разглядывая тщательно подобранный рисунок гранитной плитки, которой был вымощен двор. Увидев друзей на пороге кузницы, он ухмыльнулся до ушей и подскочил к ним.

– Ваш учитель пошел туда, вон в тот дом, – махнул он рукой на флигель.

– Он завтра уезжает, – вздохнул Фандуил.

– Вот здорово! Значит, теперь вы не будете торчать день и ночь в своей кузнице!

– Посмотрим, – буркнул Горм.

– Давайте сходим к эльфам, песни послушаем, – предложил Рамарон. Это было его обычным занятием по вечерам, тогда как днем он или бродил по окрестностям, или сидел в комнате и сочинял новые песни под аккомпанемент своей лютни.

Они вышли со двора и пошли по чистеньким улочкам наземного Ост-ин-Эдила, заботливо выложенным цветными каменными плитками и обсаженным зеленью. Здесь не бывало много прохожих, поэтому они издали заметили этого старика с длинной белой бородой, входящего в город. Старик был одет в серый, подпоясанный простым кушаком балахон, из-под которого выглядывали поношенные кожаные сапоги. За его плечами колыхался такой же серый плащ, голову прикрывала мягкая остроконечная шляпа неброского синего цвета. Обвисшие поля и помятая тулья шляпы наводили на мысль, что она служила хозяину в дороге и сиденьем, и подушкой. В руке старика был длинный дорожный посох, негромко постукивавший о мостовую.

Хотя он выглядел как самый обычный зажившийся на свете атани, во всем его облике сквозило нечто такое, что заставило друзей остановиться и уставиться на него. Он невозмутимо шел по улице, пока не поравнялся с ними.

– Добрый вечер, юноши! – Голос прищельца оказался сильным и звучным, вовсе не стариковским. – Вы не сочтете за труд проводить меня к правителю Теркеннеру?

– Конечно, мы вас проводим, – ответил за всех Фандуил, от которого не укрылось, что старик знает истинное положение дел в Ост-ин-Эдиде. Большинство жителей Средиземья считало, что городом правит Келебримбер, и только в ближайших поселениях было известно, что мастер, никогда не питавший любви к своим обязанностям, фактически передал их двоюродному брату, управлявшему от его имени.

Они повели старика в древесный Ост-ин-Эдил, где под одним из дубов-исполинов размещалось жилище Теркеннера. Вскоре они миновали наземный город и вошли под раскидистые кроны, на которых виднелись помосты с древесными жилищами эльфов, соединенные паутиной навесных мостов и веревочных лестниц с деревянными перекладинами.

Гном и атани не знали всех путей этого причудливого обиталища, больше похожего на птичью колонию, чем на людские поселения, но Фандуил уверенно вел своих спутников между необъятными стволами. Наконец он остановился у огромного дуба, под которым располагался дом Теркеннера. Как и все местные строения, он был невелик, но являл собой чудо камнерезного и плотницкого искусства. Вокруг узловатой колонны дубового ствола вилась винтовая лестница с легкими перилами по внешнему краю, ведущая на помост, расположенный на кроне.

– Правитель живет там, наверху, а внизу размещается его свита, – сказал эльф старику, когда они подошли к основанию лестницы. – Я всего-навсего приезжий ученик и не могу пойти туда с вами, поэтому вы попросите сами кого-нибудь из свиты доложить о вас правителю, чтобы узнать, когда он сможет принять вас. И... сейчас время уже позднее. Возможно, вы предпочтете прийти сюда завтра, а сейчас я могу проводить вас в комнаты для приезжих.

– Пустяки, лишняя беготня, – старик заговорщически подмигнул ему и стал подниматься по лестнице легкой, отнюдь не стариковской походкой. Фандуилу даже показалось, что эта дорога хорошо знакома пришельцу, а просьба проводить его сюда была частью неизвестного, одному ему понятного развлечения.

Когда они возвращались, Фандуил вдруг вспомнил о чайной Кэриэль, мимо которой лежал обратный путь. Эльф нечасто бывал там, чтобы не выглядеть назойливым, но сегодня уютная чайная показалась ему самым подходящим местом, чтобы развеять потерянность, вызванную отъездом учителя. Он предложил друзьям зайти в чайную, и их не пришлось просить дважды.

В чайной было много посетителей, но еще оставались свободные столики. Кэриэль улыбнулась вновь вошедшим, как добрым знакомым, и пригласила их сесть. Затем она поставила им вазочки с вареньем и поджаристыми крендельками, а сама ушла заваривать травы.

Вскоре она вернулась с подносом, на котором стояли три изящные чашечки и пузатый глиняный кувшин с настоем. Кэриэль расставила чашечки и наполнила их из кувшина, но не ушла, а пододвинула стул и села рядом.

– Ты сегодня чем-то огорчен, Фандуил, – мягко сказала она. – И твой друг Горм тоже.

Фандуил подивился про себя – не столько тому, что Кэриэль заметила их огорчение, а сколько тому, что она почувствовала его потребность высказаться и решила помочь ему.

– Да, – кивнул он. – Наш учитель завтра уезжает.

– Мастер Келебримбер? – удивилась она. – Он уже столетие с лишним никуда не выезжал отсюда.

– Они едут куда-то с Аннатаром, чтобы завершить ту работу с кольцами, – пояснил Фандуил.

– И надолго?

– На три-четыре месяца, но, может, и дольше.

– Он сказал, что они собираются делать?

– Нет.

Кэриэль на мгновение задумалась, прикидывая что-то в уме.

– Может, им нужно зачаровать кольца атани? – предположила она. – Но почему так надолго? Да и Саурон мог бы просто привезти их сюда. Любопытно... А сами вы что собираетесь делать?

– Учитель предложил нам навестить родных, пока он в отлучке.

– Тогда не печальтесь – во всем есть свои хорошие стороны. Уже через несколько дней вы будете радоваться, предвкушая встречу со своими близкими. Вы ведь воспользуетесь его разрешением, да?

– А как же, – ответил Горм. – Мой дом, можно сказать, в двух шагах отсюда, а уж и не помню, когда в последний раз бывал там.

Фандуил хотел ответить то же самое, но ему вдруг вспомнились смеющиеся глаза Тинтариэль.

– А я, пожалуй, нет, – задумчиво протянул он. – Дорога долгая, только приду – и уже назад пора...

Кэриэль ласково улыбнулась его словам.

– В Ост-ин-Эдиле тоже хорошо отдыхать, – сказала она. – Приходи сюда почаще, а если надумаешь пригласить кого-нибудь с собой – тоже приводи.

Фандуил потупился в чашку. Все-то она видела, эта Древняя!

– Мы только что встретили странного атани, – сказал он, чтобы отвлечься от неловкой темы. – Он попросил нас проводить его к правителю, а затем стал подниматься к нему, словно в собственный дом, хотя уже вечер.

– Ну, атани не всегда знают, как нужно вести себя у нас в городе. Наверное, проситель. А как он выглядел?

– Высокий старик с длинной белой бородой ниже пояса – любой гном умрет от зависти, увидев такую. Одет в серый балахон и такой же серый плащ, на голове синяя островерхая шляпа с полями.

– Он с посохом?

– Да. – Фандуил изумленно глянул на нее. – Откуда вы знаете?

– Я, кажется, знаю этого гостя. – В бархатных глазах Кэриэль проступила тревога. – Это Серый Странник, а он появляется обычно не к добру. Боюсь, что нам предстоят трудные времена.

– Но кто он такой? – спросил ее Фандуил. Горм и Рамарон невольно придвинулись поближе, чтобы не пропустить ни одного слова. – Почему мы должны бояться прихода этого атани?

– Какая же вы еще молодежь, если ничего не слышали о нем! – Кэриэль снова улыбнулась, но теперь в ее улыбке таился след озабоченности. – Он не атани, он – айнур.

Все трое буквально замерли и обратились в слух. Даже Рамарону было известно, что айнурами звали богов Арды.

– Он – айнур, но не из валаров и не из майаров, – продолжила эльфийка. – Как вам известно, валары – это главные божественные силы Арды, а майары – их помощники. Но есть еще истари, или маги – независимые силы, стоящие ниже валаров, но выше майаров. Их всего пятеро и они не подчиняются никому. Хотя они действуют здесь на собственное усмотрение, Илуватар счел нужным ввести их в число строителей и попечителей Арды. Сначала они брали для телесного воплощения эльфийский облик, но когда численность Второго Народа превысила нашу, кое-кто из них предпочел облик атани. Тот, кого вы только что видели – один из этой пятерки. Среди айнуров его зовут Олорин, или Мечтатель, у нас он известен как Митрандир, или Серый Странник, другие народы называют его по-своему, потому что он бывает везде – и, как правило, там, где нужен заступник. В последний раз он появлялся здесь полтора столетия назад, как раз перед большим нашествием орков, и поэтому мне тревожно сейчас. Знать бы, что привело его сюда...

– Так он уже бывал здесь?! – дошло до Горма.

– Да, и достаточно знаком с Теркеннером, чтобы запросто зайти к нему на ужин.

– Тогда зачем он попросил нас показать ему дорогу?

– Может, ему захотелось пообщаться с вами и он выбрал такой повод, чтобы привлечь вас к себе. Он вообще – великий любитель мистификаций и розыгрышей. Как-то давно, еще в конце Первой Эпохи, у нас с ним зашел разговор об этом, и он сказал тогда, что если в этом мире не смеяться, в нем остается только плакать. С тех пор в этом мире мало что изменилось.

– А кто остальные четверо? – полюбопытствовал Фандуил.

– Один из них живет в лесах к востоку от Мглистых Гор и почти не интересуется народами Средиземья. Он предпочитает зверей, но еще больше – птиц, за что его в Валиноре прозвали Эвендилом, то есть Птицелюбом на языке айнуров, – пояснила она в основном для Рамарона, потому что эльф и гном были знакомы с древнеэльфийским наречием. – Среди атани он больше известен как Радагаст. Еще один – Каранир, или Искусник – поселился у западных атани. На синдарском наречии их еще называют дунаданами. А еще одного ты должен хорошо знать, Фандуил.

Кэриэль замолчала, давая ему возможность догадаться. Эльф недолго ломал голову – перед его глазами сразу же возник образ величественного старца, наставника многих поколений правящего рода авари, к которому принадлежал и сам Фандуил. Он с раннего детства привык называть этого старца учителем, пока в его жизни не появился мастер Келебримбер.

– Палландо! – воскликнул он. – Учитель Палландо!

– Да, это он, – подтвердила Кэриэль. – Когда часть Перворожденных отказалась идти в Валинор, валары забыли об их существовании, удовольствовавшись теми игрушками, которые они получили, но Палландо тогда рассудил иначе. Он отправился к авари и поселился среди них, обучая их ремеслам, искусствам и магии. Это благодаря ему авари – не такие дикари, какими они могли бы стать без него.

– Палландо, – повторил Фандуил, расцветая улыбкой. В это время в чайную вошли еще гости, и Кэриэль поспешила к ним, не успев упомянуть о пятом истари. Вслед за ними вошло еще несколько эльфов, а затем кто-то снял со стены лютню, и хозяйка чайной уже не вернулась к прерванному разговору.

Когда друзья уходили оттуда, понурое настроение обоих учеников Келебримбера рассеялось бесследно. Горм предвкушал скорую встречу с родными, а Фандуил мечтал о том, как в недалеком будущем он снова зайдет сюда на огонек. И, возможно, не один.

На следующий день о кольцах никто не вспомнил, и оба ученика целый день занимались изготовлением серебряного сундучка для хранения десертных приборов – последнего задания, которое поручил им мастер. К вечеру корпус был готов, а наутро они отправились в камнерезную, чтобы подобрать и отшлифовать бирюзу для отделки.

– Жалко, что Аннатар запретил мне использовать для колец бирюзу и опал, – заметил Горм, разглядывая великолепный обломок темно-голубой бирюзы. – Я лучше взял бы для моего «Мир-Хигира» вот этот кусок вместо той лазури. К тому же и бирюза, и опал – хорошие защитные камни, на них не садится дурная магия.

– Помнится, он сказал тогда, что бирюза и опал больше подходят для изнеженных эльфийских принцесс, чем для гномьих королей, – подхватил Фандуил. – Не знаю, где он нашел таких принцесс, но не у нас в Мирквуде. Видел бы он, как моя двоюродная тетка Квэниэль управляется с луком – что твой Карафин! Еще бы не управлялась – она целыми днями не уходит со стрельбища.

– Вот вы где! – раздалось за их спинами.

Они оглянулись на дверь и увидели там эльфа из свиты Теркеннера.

– Правитель уже идет сюда, – сообщил он. – Надеюсь, вы подготовили для него кольца.

Придворный эльф ушел навстречу правителю, а Горм и Фандуил вскочили со своих мест и взглянули друг на друга.

– Ящик! – вдруг осенило гнома. – Там же целых десять ларцов – как их нести?!

Оба забежали по комнатам, тормоша остальных учеников в поисках ящика. Наконец подходящая коробка нашлась, не самая лучшая, но вполне приличная. Горм и Фандуил помчались в комнату мастера, где эльф поспешно переложил ларчики с кольцами из настенного шкафчика в коробку, которую держал гном.

Едва они выскочили с коробкой в коридор, как у входа показался правитель в сопровождении нескольких приближенных. Среди них был и тот самый старик. Он шел рядом с Теркеннером, и оба держались так, словно были давними знакомыми.

Горм и Фандуил растерялись при виде этой компании и простояли на пороге мастерской, пока правитель со свитой не подошел к ним. Когда он оказался в двух шагах от Горма, гном не нашел ничего лучшего, как протянуть ему коробку.

– Надеюсь, вы пригласите правителя в комнату, – прошипел им на ухо тот же самый придворный.

Фандуил поспешно отскочил от двери, а Горм побагровел и пробормотал нечто вроде «заходите пожалуйста», указав коробкой на дверь мастерской Келебримбера. Теркеннер со свитой вошел в рабочую комнату мастера и огляделся.

– Это мастерская моего двоюродного брата, – пояснил он старику. – Не помню, когда я в последний раз бывал в мастерских – у меня масса других дел.

– Да, правители – занятый народ, – чуть заметно усмехнулся тот, оглядывая обстановку. – До чего ж любопытно взглянуть на рабочее место самого Келебримбера, чье мастерство уступает разве что мастерству Феанора!

Затем его взгляд упал на Горма с Фандуилом.

– Да это же мальчики, которые провожали меня позавчера! – оживился старик. – А где ваш третий?

– Он не ученик, он просто так, – ответил Фандуил.

– Как занятно – эльф-авари, гном и атани просто так. Почему вы здесь с кольцами?

– Как почему? – растерялся Фандуил. – Горм их делал.

– Мы их делали, – подхватил Горм. – Учитель срочно уехал и поручил нам передать эти кольца его величеству на сохранение, пока он не вернется.

– На сохранение? – переспросил Теркеннер. – Я полагал, что беру эти кольца для рассылки.

– Он сказал, что работа еще не готова.

– Не готова? Тогда почему он уехал?

– По его словам, он считал работу законченной, но Аннатар сказал ему, что нужно доделать что-то еще, – заговорил Фандуил. – Они уехали, чтобы это сделать, а затем вернуться и доработать кольца.

Теркеннер вопросительно глянул на старика, тот встретил правителя точно таким же вопросительным взглядом.

– Аннатар – это ведь Саурон? – уточнил старик.

– Да, – подтвердил Теркеннер. – Мне известно его прошлое, но он давно уже с нами и не замечен ни в чем дурном.

Старик слегка кивнул, его взгляд вернулся к ученикам.

– Ваш учитель сказал, чего не хватает в этих кольцах? – спросил он.

– Он сказал, что пока сам этого не знает, – ответил Фандуил, язык которого был поворпливее, чем у гнома. – Сказал, что Аннатар все объяснит ему в дороге. Он только просил нас передать, чтобы кольца сохранили до его возвращения, а больше нам ничего не известно.

– Показывайте кольца, – распорядился Теркеннер.

Горм начал открывать перед ними ларчики с кольцами, начиная с гномьих, и называть имя каждого кольца. Все пришедшие наклонились над ними, с восхищением рассматривая изделия.

– Отличная работа, просто превосходная, – сказал наконец правитель. – Все кольца получились прекрасными сами по себе, даже если не учитывать их назначение.

– Особенно эльфийские, – заметил старик. – Не помню даже, видел ли я когда-нибудь подобные камни.

– Их выплавил сам мастер, – сообщил Фандуил. – В волшебном горне.

– Тогда понятно. Такая работа под силу только внуку Феанора, создателя сильмариллов. И я чувствую, какая мощная магия наложена на них.

– Да, работа удалась, – с удовлетворением заключил Теркеннер.

Он приказал одному из сопровождающих эльфов забрать кольца. Горм позакрывал ларцы и вручил коробку придворному. Когда правитель со свитой вышел на улицу, оба ученика наконец позволили себе облегченно вздохнуть.

– Уф-ф... – выдохнул Горм. Затем он посмотрел на свои вспотевшие от волнения ладони. – Ты видишь, Фандуил, как я переволновался?

Эльф тоже глянул на свои пальцы и увидел, что они дрожат мелкой дрожью.

– Такими руками мы с тобой, пожалуй, нароботаем...

– Это дело надо запить. Пошли пропустим по кружечке медовухи, все равно обед скоро.

Они прибрались в камнерезной и покинули мастерские. На улице стояла чудесная погода, теплая и солнечная. Настроение обоих учеников быстро восстановилось до обычного, а затем стало неуклонно подниматься еще выше. Ведь кольца были отданы, работа над сундучком близилась к завершению, и скоро им обоим предстояло насладиться давно заслуженным отдыхом.

Когда они подходили к закуской для приезжих, им навстречу попались две молодые эльфийки, в одной из которых Фандуил узнал Тинтариэль. Он заметил девушку первым и успел увидеть, как она что-то оживленно рассказывала подруге. Вдруг она тоже увидела Фандуила и запнулась на полуслове. В ее устремленном на него взгляде мелькнуло странное выражение, тут же сменившееся обычным насмешливым лукавством. Девушка небрежно помахала рукой в ответ на его приветствие и продолжила болтовню с подругой.

Фандуил скосил глаза на Горма – конечно же, толстокожий гном ничего не заметил. И хорошо, пусть так, но его самого Тинтариэль уже не сумеет провести, как ей это удавалось до сих пор. Дальше он шел, чему-то улыбаясь втайне от гнома и припоминая выражение радостной растерянности, на долю мгновения промелькнувшее в ее глазах.

Воздух древесного Ост-ин-Эдила был бодрящим и целительным благодаря ароматам дубовой коры и листьев. Пение птиц здесь смолкало только в знойный полдень и в глухую полночь. При свежем ветре верхушки гигантских деревьев раскачивались, словно корабли в далеком плаваньи или огромные колыбели, баюкающие на себе своих любимцев-эльфов. Отсюда виднелись дальние дали, один только взгляд на которые порождал возвышенные мечты и песни. И если иные наземные головы и закружились бы от такой высоты – пусть их кружатся, не жалко.

С самого высокого дуба открывался бескрайний обзор. На запад тянулись светлые лиственные леса, перемежающиеся широкими луговинами, на востоке виднелся крутой горный хребет, издавна известный как Мглистые горы, среди которых выделялись три вершины – Карадрас, Келебдил и Фандуидол. Хребет шел с севера на юг, вдоль его западного склона тянулась широкая полоса векового леса, в которую углублялись горные речки, стекающие со скал. Все они впадали в реку Изморось, отправляясь с ее водами в море.

Если взглянуть на север, сверху было видно место слияния Измороси с Буйной – второй по величине рекой в окрестностях Эрегиона. С такой высоты острому эльфийскому зрению была достижима даже живописная долина Имладрис. В преддверии осени кроны лиственных деревьев уже начинали приобретать едва заметный золотистый оттенок, перемежаясь на севере с темно-зелеными свечками елей, а на юге – с более блеклой, сероватой зеленью сосен.

Помост личных покоев правителя Теркеннера размещался высоко, словно орлиное гнездо. Он был невелик и опирался на первую сверху мутовку ветвей, способную выдержать тяжесть деревянного настила. Свободная половина помоста предназначалась для еды и отдыха на открытом воздухе посреди листвы и птичьего пения. Другую половину занимало легкое деревянное жильё в несколько комнат.

Веранда правителя не слишком отличалась от остальных по размеру и отделке, так как все здесь были большими мастерами в деле украшения своих жилищ, используя для этого и резьбу по дереву, и плетение из прутьев, и посадки из вьющихся растений, и многое другое, до чего могут додуматься только эльфы. К нему вела узкая винтовая лесенка вокруг ствола, проходящая сквозь нижние помосты, на которых жила прислуга.

Одна только необходимость подниматься на такую высоту была способна отпугнуть кого угодно – особенно старого атани, которому и по земле-то ходить нелегко. Тем не менее, правитель сегодня явился к обеду в обществе длиннородого старца в просторном сером балахоне. Правда, высокий рост и широкие плечи старца говорили о недюжинной силе, но лысина внушительных размеров и выбеленные временем пряди бороды свидетельствовали не менее убедительно, что вся эта сила давно должна была остаться в прошлом.

Поэтому молодые эльфийки, в чьи обязанности входило накрывать на стол, с удивлением уставились на старика-атани, поднявшегося сюда по лестнице с легкостью горного козла. Увидев их изумленные личики, старик довольно усмехнулся. Затем он повесил свой плащ на сук и нахлобучил туда же синюю остроконечную шляпу с полями, подходившую разве что бродячему фокуснику. Затем он удобно устроился в кресле для почетных гостей и прислонил свой посох к стволу, под которым стоял обеденный стол.

Девушки расставили по столу содержимое подносов – нежные тушеные бобы, горячие пирожки со всевозможными фруктовыми начинками, вазочки с вареньем и засахаренными цукатами, графины с легкими эльфийскими винами и ароматными напитками. Одна из них осталась, чтобы прислуживать во время обеда, но Теркеннер выслал ее на нижний помост, сказав, что позвонит в колокольчик, если ему что-то понадобится.

– Полагаю, ты не в претензии, Олорин, что я отослал их, – обратился он к гостю, когда девушки ушли. – Я в состоянии сам себе положить еды в тарелку, ты, насколько мне известны твои привычки – тоже. Этикет этикетом, но сегодня я предпочел бы иметь возможность говорить свободно.

– Да, сегодня нам это понадобится. – Старик потянулся к фарфоровой миске и щедро зачерпнул оттуда тушеных бобов себе в тарелку. – Наш вчерашний разговор, как я понял, остался незаконченным.

– Я не вполне понимаю, о чем тут пререкались. Ты же сам сказал, что тебе все объяснил Гил-Гэлад. Это решение принято на Общем Совете эльфов и гномов, причем почти единогласно. Стоило ли тащиться в такую даль, чтобы увидеть эти кольца собственными глазами?! Неужели ты не доверяешь решению Совета? Или моему двоюродному брату?

– Совету я доверяю, но мне не нравится, что вся эта идея исходила от Сауруна. В связи с этим я сомневаюсь даже, насколько можно доверять Келебримберу. Как я слышал, теперь они – неразлучная пара?

– Это – преувеличение. Феанарэ ценит мастерство этого майара, но я не сказал бы, что они дружны. Он как раз был не в восторге от этой идеи, но Совет обязал его, и он не стал пререкался. Я доверяю брату, как себе – мы были неразлучными друзьями еще в Валиноре, мы бок о бок ушли оттуда, а затем вместе осваивали земли Белерианда. Мы защищали друг друга в годы Войны Гнева и выжили в ней, хотя тогда многих не осталось. После той войны он помогал мне в поисках отца, а затем мы ушли сюда, взяв с собой всех, кто пожелал идти с нами. Мы с ним строили и Ост-ин-Эдил, и отношения с местными гномами, эльфами и атани. Теперь поселок процветает, местные народы торгуют с нами, их мастера обучаются у нас – да ты сегодня и сам их видел. И все это сделали мы вдвоем – я и Феанарэ. Как я могу не доверять ему?

Маг задумался, незаметно для себя размазывая бобы по краю тарелки.

– Келебримбер уехал с Сауруном, не поставив тебя в известность, – неодобрительно заметил он. – Одно только это может насторожить кого угодно.

– Нет, было не совсем так. Несколько дней назад брат говорил мне, что Саурон просит его помощи в изготовлении какого-то изделия и для этого нужно съездить на юг. Этот майяр давно помогает нам только за то, что мы, в отличие от остальных, не гоним его прочь, поэтому было бы несправедливо отказать ему в просьбе. Видимо, перед самым отъездом брат узнал, что просьба Саурана связана с поручением Совета, но не нашел это настолько важным, чтобы сообщить мне – другого объяснения я просто не вижу.

Признаться, Олорин видел этому множество объяснений, одно другого хуже, но все они были только непроверенными домыслами. Поэтому он оставил их про себя, задав вместо этого вопрос:

– Всем известно, что в Первую Эпоху Саурон был правой рукой Врага – и именно поэтому теперь все гонят его прочь. Все, кроме вас. Почему вы приняли его?

– Почему? Неужели это непонятно, Олорин? Мы – внуки Феанора, которого все Средиземье поминает чуть ли не наравне с Мелькором. Наш дед причинил немало бедствий этому миру, но в нем не было зла и он был неправ далеко не во всем. Не ошибается только тот, кто не живет, но у малых душ малые ошибки, а у великих – великие. Мы, его потомки, восхищаемся его свершениями и глубоко скорбим об его ошибках. Точно так же и Саурон следовал за Отступником, как мы за своим дедом, и он тоже понял ошибки своего учителя. Его точно так же попрекают Мелькором, как нас дедом, но это не значит, что он точно такой же, каким был Мелькор. Кому это понимать, как не нам?

– Вот, значит, на что он вас поймал, – вырвалось у мага. – Он сидел тихо полтора тысячелетия, но когда я услышал об его затее с кольцами, мне сразу подумалось, что старое зло просыпается. И я решил проверить всё сам. Расскажи, как и когда он сумел внушить эту идею Совету? Он давно предлагал ее?

– Я впервые услышал о ней на Совете, как и остальные его участники. Почему Совет собирали у нас в Ост-ин-Эдиле, тоже не секрет – Дарин Третий терпеть не может покидать свое подгорное царство, а известно же, какие эти гномы упрямые. Его и сюда-то еле уговорили явиться, а то пришлось бы собираться в Казад-Думе. Поскольку Совет был посвящен улучшению отношений между старшими народами и атани, предложение Саурана пришлось как нельзя кстати. Когда обсуждение зашло в тупик, он высказал эту идею и все ухватились за нее.

– Понятно. – Олорин надолго замолчал, машинально подбирая с тарелки бобы и заедая их яблочным пирожком.

– Вина? – предложил Теркеннер, поднимая хрустальный графинчик.

– Полбокала.

Правитель разлил вино по бокалам и поставил графинчик на место.

– Все наши кольца здесь, ты можешь лично проверить их, – сказал он. – Если на них наложено дурное заклятие, оно не укроется от такого мага, как ты.

– Я обязательно проверю их, как только мы пообедаем, – вилка Олорина зашевелилась быстрее. – Келебримбер говорил, что эти кольца уже готовы?

– Да, на днях он сказал мне, что наложил заклятие приязни на последнее из гномьих колец. Я даже оповестил гонцов, чтобы они были готовы ехать, как только в мастерской сделают ларцы.

– А теперь, значит, мальчики утверждают, что рассылку колец нужно задержать до возвращения мастера... и Саурана. Я почти уверен, что этот майяр что-то задумал. Иначе зачем задерживать уже готовую работу?

– По-твоему, он хочет добавить туда что-то от себя?

– Я подумал об этом еще в мастерской, когда рассматривал кольца. На первый взгляд они не показались мне подозрительными – на что я, признаться, не рассчитывал. Но, возможно, все еще впереди. А что с кольцами для атани?

– Саурон сказал, что они будут сделаны в ближайшие полгода. Для их изготовления требуется мастер-атани, которого еще нужно подготовить.

– Тогда я, пожалуй, проживу здесь эти полгода. В одной из тех уютных комнаток наземного Ост-ин-Эдила, если там найдутся свободные.

Такому гостю, как Олорин, нашлось бы место и в древесном Ост-ин-Эдиле, но маг никак не мог привыкнуть к складным деревянным креслам и тощим травяным тюфякам, которыми пользовались эльфы. Куда больше ему по душе были тяжелые волосяные кресла с кожаной обивкой и мягкие перины в гостевых комнатах наземного города.

После обеда Теркеннер повел его в приемную комнату, где на столе оставался ящик с кольцами. Олорин поочередно открыл ларцы и придирчиво исследовал каждое кольцо на свойства наложенной на них магии. Но кольца – уникальные по замыслу и прекрасные по исполнению – выглядели совершенно безвредными.

– А это что? – удивился маг, перейдя к эльфийским кольцам. – Не иначе, заклятие защиты от дурных рук?!

– Ничего удивительного, брат выучил его от деда, – с заметным облегчением в голосе сказал правитель. – Это, надеюсь, снимает с него всякие подозрения в коварных умыслах?

– Да, но остается Саурон, а он может обвести вокруг пальца кого угодно. Мне не нравится эта задержка, поэтому не будет вреда, если мы предпримем некоторые предосторожности.

– И какие же?

– Нужно разослать кольца сейчас, пока он не вернулся. Пока они чисты. Сейчас по крайней мере известно, что Саурон не сделал с ними ничего дурного.

– А если работа действительно еще не закончена?

– Если и вправду окажется так, можно будет вернуть их и доработать. Но, пока мы не знаем, в чем заключается недоделка, я предпочел бы, чтобы они находились подальше отсюда.

Теркеннер задумался, глядя то на мага, то на кольца.

– Ладно, разошлем, – сказал он наконец. – Полагаюсь на твою дальновидность, Олорин.

Двое скакунов, вороной и серый, мчали седоков на юг, без малейшего напряжения делая по три дня пути за день. Вороного звали Морлаймэ – Черная Тень, серого – Лалачаэ или Смеющееся Копыто – за легкую и четкую поступь, отзвук которой напоминал негромкий радостный смех. Быстрейший из быстрейших, он уступал в резвости разве что самому Нахару – скакуну валара Тулкаса, прозываемого Оромэ-Охотником.

Всадники ехали бок о бок, привычно сливаясь со своими скакунами в легкой рысце. Встречный ветер отдувал их волосы назад, открывая прекрасные эльфийские лица. Одно – узкое и смуглокожее, с косо расходящимися бровями над темными глазами, с горбинкой у переносицы и тенью надменности, залегшей между бровей и в уголках губ, другое – чуть пошире и посветлее, с четким прямым носом и миндалевидными серыми глазами. Достоинство и самоуважение, светившиеся в них, легко можно было принять за надменность, и поверхностный взгляд, несомненно, отметил бы некоторое сходство в выражении обоих лиц. И даже от самого беглого взгляда не укрылось бы, что оба всадника были не из простых и отлично знали себе цену.

– Не пора ли мне наконец узнать, ради какого дела ты позвал меня с собой? – спросил сероглазый всадник. – И почему из-за него была задержана рассылка колец?

– Да, – чуть помешкав, ответил темноглазый. – Тебе пора это узнать. Мы сделали три кольца для эльфов, семь для гномов и двенадцать для атани...

– Разве кольца для атани уже готовы? – удивленно воскликнул первый, перебив собеседника. – Ты же говорил, что их еще и не начинали!

– Я не ожидал, что их сделают так скоро, но недавно мне сообщили, что они уже готовы. В конце концов, даже если они и не удались с виду, неважно, как они выглядят. Важна магия, которую мы наложим на них. Я хочу сказать тебе, Келебримбер, что если мы остановимся на этом, вся затея мало чего будет стоить. Кольца дадут своим владельцам определенную власть и привлекательность, но главного мы не добьемся. Мы не добьемся единства. Для того, чтобы она заработала, нужно еще одно кольцо, которое объединит их – кольцо единства.

Некоторое время Келебримбер ехал молча, обдумывая эти слова.

– Если это так очевидно, почему же об этом ни слова не было сказано раньше? – спросил наконец он.

Саурон ответил быстро и уверенно, словно ответ был готов у него заранее:

– Я понял это в процессе работы над кольцами.

– Допустим, без этого кольца действительно нельзя обойтись. Но тогда его владелец получит большую долю власти, чем остальные носители колец, вместе взятые. Разве не так?

– А как мы делали другие кольца? – напомнил Саурон. – Разве мы не придали эльфийским кольцам преобладание над всеми остальными, а гномьим – над кольцами атани? Неравенство было заложено в них раньше, а кольцо единства – это только логическое завершение общей идеи.

– Хорошо, пусть так. Но кто тогда наденет это единственное кольцо?

Саурон внимательно посмотрел на мастера, словно прощупывая его.

– А ты как думаешь?

– Я? – Келебримбер ненадолго задумался. – Ну, Гил-Гэлад, наверное. Я не вижу никого достойнее.

– Вот как?! Неужели ты вправду так думаешь, Феанарэ?

В серых глазах мастера промелькнула тень улыбки.

– Ты еще помнишь, как меня зовут? Мое прозвище так прочно приклеилось ко мне, что я уже много столетий не слышал своего имени от посторонних.

– Так я хочу напомнить его тебе! Феанор – это «огненный дух», если ты вдруг забыл, а тебя зовут почти так же, как твоего покойного деда.

– Да, почти. Оно тоже означает «огненный дух», только в другом качестве. Если «нор» – это плавающий, явный огонь, то «нарэ» – скрытый, уравновешенный огонь. Так у нас еще называют драконов, когда не хотят упоминать их подлинное имя. Отец хотел назвать меня Феанором в честь деда, на мать испугалась такого мощного имени и настояла на этой поправке.

– Огненный уравновешенный дух! – фыркнул Саурон. – Чепуха какая-то! Нет уж, огонь есть огонь, как его ни назови.

Но Келебримбер знал себя достаточно хорошо, и уж во всяком случае лучше, чем Саурон.

– Нет, это не чепуха, – ответил он.

– Все равно он огненный, и я не понимаю, как Перворожденный, внук Феанора, да еще с таким именем, может так спокойно уступать первенство другому. И кому – внуку Финголфина, младшего брата Феанора! Я бы еще понял, если бы ты уступил первенство Теркеннеру, тот хотя бы стоит над тобой по старшинству, но Гил-Гэлад?!

– Гил-Гэлад – выдающийся правитель, его признают все народы Средиземья, а я – мастер. У меня нет ни склонности, ни способностей к управлению, причем настолько, что я взвалил на Теркеннера свои обязанности по Ост-ин-Эдилу, едва только выяснилось, что он разбирается в этом лучше, чем я. Будет правильно, если каждый из нас будет заниматься своим делом.

Саурон посмотрел на своего спутника так, словно не ожидал от него такой непритязательности. Конечно, он не собирался отдавать ему это единственное кольцо, но отдавать и обещать – далеко не одно и то же.

– Если у тебя будет власть, десятки мастеров сделают для тебя всё, что тебе захочется, – горячо произнёс он. – Стоит тебе шевельнуть пальцем, на котором надето это кольцо – и у тебя будет всё!

Келебримбер глянул на майара так, словно не ожидал от него такого убожества:

– Создавать чужими руками – это бесчестье для мастера.

Саурон осекся и замолчал. Может, было и неплохо, что Келебримбер не был властолюбцем, но майару нужно было привлечь его на свою сторону, потому что кусочек золота еще не коснулся эльфийских колец. И никогда не коснется их, если этот – что скрывать, весьма талантливый мастер и сильный колдун – если этот повернутый идеалист сам не снимет с них небезызвестное заклинание, которое он выучил у своего деда. А если затем еще и удалось бы заставить Келебримбера надеть одно из них, лучшего и пожелать было бы нельзя. Нужно было заинтересовать его чем-то еще, но Саурон плохо представлял себе, что может быть привлекательнее власти.

– Ладно, оставим это кольцо Гил-Гэладу, – уступил он. – Но если оно достанется ему, ты можешь взять себе одно из трех эльфийских колец. Скажем, то, рубиновое, «Наир» – камень в нем немногим уступает сальмариллу Феанора.

Келебримбер недоуменно пожал плечами.

– Если я захочу, я смогу сделать себе такое же. А если я могу его сделать, зачем мне его хотеть?

– Оно уже не будет одним из колец дружбы. Оно будет просто красивой безделушкой и не даст тебе никакой власти. Неужели тебе никогда не хотелось власти?

– Почему же, хотелось. Мне всегда хотелось власти над камнем, деревом, металлом – власти создавать из них любую красоту, какую я только мог увидеть в своих мечтах. И я достиг этой власти. Почти достиг...

– Власть над себе подобными – это совсем другое дело. У нее другой вкус, другая сладость. Ты мог бы стать мастером над гномами и атани, над Первородженными, над айнурами наконец! Это они стали бы твоими инструментами, с помощью которых ты смог бы создавать что угодно! Всё, что увидишь в своих мечтах!

Глаза Саурона вспыхнули темным огнем, ноздри затрепетали, словно уже ощущали запах власти. Келебримбер внимательно глянул на майара, удивляясь его горячности.

– Так, наверное, думал и Мелькор, когда становился Отступником, – спокойно заметил он.

– Ты не знал его, – резко возразил майар. – В нем было больше от мастера, чем от властителя, и, по-моему, это и погубило его. Он слишком хотел сотворить этот мир в одиночку, по своему вкусу, и слишком мало заботился о том, что предпринимают другие. И многие пошли за ним добровольно – майары, потомки первых эльфов, впоследствии ставшие орками... Надеюсь, ты помнишь, что орки вовсе не его творения, как утверждают низшие народы. Орки – тоже творения Илуватара, они одной крови с эльфами. Ты же не станешь отрицать это?

– Ну и что из этого? Есть мы, нолдоры – искатели мудрости, ради которой мы готовы пойти даже наперекор божественной воле, но есть и ваниары – комнатные собачки айнуров. Есть авари – отказавшиеся, но есть и дряблые тэлери, которые никогда не знали, чего же им хочется, и которых не хватило даже на то, чтобы уговорить айнуров оставить их в покое. Значит, так берет рука мастера Илуватара – так почему бы не быть оркам?!

Испытующий взгляд Келебримбера задержался на майаре. Саурон почувствовал, что может спугнуть мастера до того, как сумеет перетянуть его на свою сторону.

– Что ж, ты с честью выдержал это испытание, – выдал он нечто вроде одобрительной усмешки.

– Испытание?

– Да. Я проверял тебя и поэтому пытался соблазнить властью.

– Я не заметил никакого соблазна.

– Тем лучше. Я очень рад, что не нашел в тебе опасной тяги к власти. – Здесь Саурон изрядно покривил душой – он был нисколько не рад этому. Но Келебримбер, сам того не зная, подсказал ему зацепку, которая могла подействовать лучше. – Ты из рода Феанора, поэтому я должен был это сделать. Общеизвестно, что твой великий дед водил дружбу с Мелькором – еще тогда, в Валиноре.

– Это глупые сплетни – они никогда не были дружны.

– Но разве не Мелькор подбил твоего деда поссориться с валарами?

– Почему именно Мелькор? В словах Феанора не было ничего такого, о чём не задумывался бы каждый из нас, поэтому ему не пришлось нас долго уговаривать. Мы, нолдоры, пришли в Беспечальную Землю, чтобы приобщиться к мудрости богов – а там мы посмотрели на эту мудрость и пошли обратно в мир. Сильмариллы были не причиной, а только поводом, толчком к нашему уходу.

– И тем не менее Феанор не отдал их валарам.

– Зачем? Чтобы валары разбили их? Это же все равно, что убить Перворожденного для того, чтобы вынуть его душу и пустить ее на растопку. Если гибнет лучшее творение мастера, с ним гибнет и часть его души, но они не понимали этого. Мелькор убил тогда чудесные деревья Телперион и Лаурелин, но и остальные валары не стали щадить чудесные камни. Как и Отступник, они решили, что цель оправдывает средства, потому мой дед и сказал тогда, что Мелькор – тоже валар.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что остальные валары не лучше Мелькора?

– Нет, не хочу. Но, может, не так уж и неправ был тогда Отступник, погубив чудесные деревья, потому что их гибель в конечном итоге обернулась благом для всех. Ведь эти деревья освещали только Валинор, тогда как остальной мир был погружен во мрак. Я до сих пор задаю себе вопрос – когда они еще росли и цвели, неужели валарам так трудно было сорвать с них для мира хотя бы один цветок? Один плод?

Интонация, с которой были сказаны эти слова, вселила в Саурона надежду. Каким бы спокойным ни выглядел Келебримбер, под ровной гладью этого спокойствия скрывался дух бунтовщика Феанора.

– Да, не слишком-то они заботятся о непокорных, – как бы невзначай заметил он. – Мандос проклял вас, нолдоров, только за то, что вы пожелали покинуть Валинор. Можно подумать, что вас не пригласили туда в гости, а посадили в тюрьму.

– В сущности, так и было, – согласился Келебримбер. – Они сказали, что не держат нас, но даже и не подумали помочь нам переправиться обратно. Но золотые рыбки уплыли из банки, и Мандосу ничего не осталось, кроме как запретить нам возвращаться. Иначе с какими лицами остались бы валары, если бы мы никогда не вернулись к ним в банку? – рассмеялся он. – А так они тешат себя мыслью, что мы не просимся назад, потому что это они нам запретили! Я уверен, что они простят каждого, кто запросится к ним в Валинор – поломаются для вида, а затем объявят о высочайшем милосердии. По окончании Войны Гнева они даже объявляли, что, так и быть, готовы принять обратно всех желающих, но мало кто из нас соблазнился этим предложением.

– А тебе не приходило в голову, что когда-нибудь они захотят вернуть вас силой? – вкрадчиво спросил Саурон.

– Зачем? У них еще остались свои игрушки – ваниары.

– Но любые игрушки в конце концов надоедают. Если валарам захочется новых игрушек, то народы Средиземья смогут отстоять себя, только объединив усилия – а кольцо единства для того и предназначено. Скажи откровенно, если бы потребовалось объединить народы для защиты от притязаний валаров – ты надел бы это кольцо?

Келебримбер долго размышлял, прежде чем ответить майару.

– Возможно, да.

Вскоре наступил день, когда Горм собрался идти в Казад-Дум. Накануне они с Фандуилом закончили работу и поставили готовый сундучок на стеллаж в комнате мастера. Остаток дня они потратили на то, чтобы выковать меч для Рамарона, который давно завидовал их именному оружию. Клинок был сделан легким, по руке парня, но Фандуил наложил на него кое-какую магию, чтобы усилить его боевые качества.

В отличие от Фандуила, за годы учебы ни разу не побывавшего дома, Горм навещал родных примерно раз в два года. Он всегда брал с собой кучу подарков, которые сам мастерил в свободное время или покупал в ост-ин-эдилских лавках. Предстоящее посещение не было исключением, и накануне гном крепко чесал свою макушку, пока укладывал дорожный мешок. Небесный Молот так и не благословил ее на сверхплотную упаковку, зато Фандуил с Рамароном заметили его мучения и предложили ему помочь донести вещи.

Отсюда до Казад-Дума было не более пятнадцати лиг, поэтому они успевали добраться туда за один день, если выйти пораньше. Рано утром все трое собрались в комнате Горма, позавтракали припасенной с вечера едой, а затем отправились в путь. Краешек солнца еще не вылез из-за Мглистых гор, мостовые наземного Ост-ин-Эдила искрились капельками росы, еще не тронутой бесшумными сапожками эльфов и гулками башмаками горных гномов.

Цокот копыт, донесшийся со стороны древесного Ост-ин-Эдила, заставил их остановиться и оглянуться. Между стволами дубов мелькали фигуры конных эльфов в зеленых дорожных куртках и светло-коричневых штанах под цвет глинистой почвы. Судя по лукам и туго набитым колчанам за их спинами, а также по мечам у пояса, это был военный отряд. Первые из них как раз выезжали на мостовую, делавшую разворот на опушке дубравы.

Трое друзей подождали, пока отряд не проедет мимо. Рамарон восхищенно уставился на военную форму эльфов, изящно скроенную и расшитую декоративным шнуром, но совершенно не заметную в лесу, на великолепное оружие и благородных эльфийских скакунов. Он не знал местных обычаев и не придал никакого значения появлению отряда, но эльф с гномом насторожились.

– Куда это они поехали? – обеспокоенно сказал Горм, когда всадники скрылись за поворотом.

– Догони и спроси, – посоветовал ему Рамарон.

– Тебе бы только зубоскалить! Думаешь, тут каждый день такие разъезжают?! Фандуил, а ты что скажешь?

– Среди них я заметил Маэгрота, одного из приближенных Теркеннера. Видимо, он отправился куда-то посланником, а остальные – это эскорт. Но что-то их на этот раз много...

– А сколько их должно быть? – любопытствовал Рамарон.

– Обычно их бывает не больше десятка, если едет не сам правитель. Но в этом отряде их не менее трех десятков, словно они собрались не с посольством, а на войну – хотя мы не слышали ни о какой войне. Или словно их путь лежит по опасным землям, вроде оркских – но что там делать эльфийскому посланнику?

– А помнишь того старца, с такой роскошной белой бородой? – Горм с огорчением ошупал собственную бороду, которая пока еще была черной и едва достигала середины его широкой груди. – Может, он и вправду привез дурные новости?

– Кто знает... – пожал плечами Фандуил.

Поначалу друзья строили всевозможные догадки по поводу посылки отряда, но затем дорога пошла лесом, а из-за гор вышло веселое солнце, и они отвлеклись от этой встречи. Гном размечтался вслух, что скоро увидит родителей и братьев, а Рамарон стал расспрашивать его о

Казад-Думе. Фандуил не разделял энтузиазма атани – он проходил сквозь подгорное царство, когда шел наниматься в ученики к нолдорам, и двое суток пути по Казад-Думу показались ему вечностью. В подземных коридорах было тесно и холодно, там сильно пахло гномами и было темно даже для эльфа-авари, видевшего ночью не хуже, чем днем.

Вскоре они вышли на берег Сираннона. Эта речка начиналась с гор, образуя Каскадный Водопад неподалеку от входа в Казад-Дум и проточное озеро на широкой террасе у входа. Дальше она спускалась со скал и текла на запад, сворачивая к северу лиги за две до Ост-ин-Эдила. Вдоль ее берега шла торная дорога, у подножия гор переходившая в тропу с вырубленными в камне ступенями.

Друзья шагали по этой дороге до полудня, пока она не привела их к подножию хребта. Подарки Горма изрядно оттянули им плечи, и даже гном согласился, что перед подъемом нужно отдохнуть и перекусить. Рамарон сходил с котелком за водой, Фандуил вынул сверток с дорожными припасами, а затем все трое уселись обедать на удобные камни рядом с тропой, принесенные сюда гномами специально для усталых путников.

Пока они ели, на дороге появился отряд всадников, ехавших в Казад-Дум. Хотя их было втрое меньше, чем утром, в остальном они в точности напоминали первый отряд – те же эльфы в лесной одежде, те же легконогие, выносливые кони. Первыми ехали пятеро вооруженных эльфов, за ними – двое, в одном из которых Фандуил узнал Аркуэна из придворной свиты, облаченного в парадную одежду. Вторым был уже известный старец, в том же сером балахоне и плаще, в той же островерхой поношенной шляпе неяркого синего цвета, с тем же длинным дорожным посохом в руке. Только теперь он не шел пешком, а сидел на одном из лучших ост-ин-эдилских скакунов, принадлежавшем самому Теркеннеру.

Процессию замыкали еще пятеро вооруженных всадников. Доехав до тропы, они спешили и подошли к Аркуэну. Тот что-то негромко сказал им, после чего двое из охраны остались с конями, а остальные члены отряда начали подниматься по тропе. Даже пешими эльфы шли так, чтобы Аркуэн с магом находились в середине группы.

Заинтригованные друзья быстренько управились с обедом и пошли следом за ними. Каменная лестница привела их на террасу с проточным озером, по краю которого проходила тропа. Она тянулась еще лиги две вдоль берега до противоположного конца озера, в который обрушивалась верхняя часть Каскадного Водопада. Там, у водопада, росли древние дубы, посаженные еще при Дарине Первом, и там же находились ворота в подземное царство гномов.

Друзьям оставалось пройти еще пол-лиги, когда процессия достигла конца тропы. Эльфы остановились у ровной отвесной стены, где не было и намека на вход. Старик подошел к стене и взмахнул посохом, конец которого засветился голубым огоньком, заметным издали. Стена раскрылась, и посланцы ост-ин-эдилского правителя исчезли внутри.

– А как же мы?! – воскликнул Рамарон, увидев, что отверстие в горе закрылось за ними. – Горм, у тебя же нет посоха!

– Думаешь, мне нужен посох, чтобы попасть к себе домой? – хмыкнул тот. – У нас, гномов, есть свои ключи.

У ворот гном скомандовал обоим отвернуться и начал шарить где-то у стены. Затем он окликнул их, а когда они оба повернулись к стене, перед ними было отверстие входа.

– Для эльфов есть заклинание, по которому они могут открыть наши ворота, – пояснил Горм, когда они входили внутрь. – Но мы, гномы – народ не колдовской, поэтому мы всегда предусмотрим какой-нибудь рычажок или камешек, о котором никто, кроме нас, не знает.

Тем временем ворота захлопнулись за ними, оставив их в кромешной тьме. Вернее, одного Рамарона, потому что гномы прекрасно видят в темноте, да и эльфы могут приспособиться к пещерному сумраку.

– Эй, это так и будет?! – возмутился он. – А где же лампы, свечи или, на худой конец, факелы?

– Какие факелы? – изумился Горм. – На них сырьё не напасешься, да и воздух они здорово портят. Факелы мы жжем только во время торжественных собраний, на праздниках, в тронных залах во время приема послов, а так зачем? Мы и так всё видим, если в залах тепло. Вот когда холодно, это другое дело. Для нас холодно – все равно, что темно.

– Но я же ничего не вижу!

– Раз ты не почетный гость, терпи. Держись за мой локоть, а то упадешь.

Коридор вел вперед и вниз, углубляясь в толщу гор. Приглядеться было невозможно, потому что здесь не было никакого, даже самого слабого освещения. Если тепловое зрение Фандуила еще могло различить здесь хоть что-то, Рамарон шел за гномом вслепую. Навстречу попадались ещё гномы, воспринимавшиеся им как невидимые островки пыхтения, топанья и запахов пота, железа и кожи. Они обменивались с Гормом фразами на гномьем языке, которого Рамарон не понимал, и шли дальше.

– Что они говорят? – спрашивал он.

– Интересуются, что вы здесь делаете, – отвечал Горм.

– А ты что им говоришь?

– Говорю, что вы со мной.

– Не только это, – вставил слово и Фандуил, знавший язык гномов. – Они спрашивают, почему мы отстали от тех эльфов, а Горм отвечает, что мы здесь сами по себе.

Рамарон был ужасно раздосадован. В кои веки ему случилось попасть в такое легендарное место – и ничего-то он здесь не видел!

– А у тех эльфов есть свет? – начал допытываться он. – Они-то здесь – почетные гости!

– Зачем он им? – невозмутимо ответил гном. – Они же эльфы.

– А тот старик?

– Как сказала Кэриэль, он – айнур. Уж он-то увидит что угодно и где угодно.

– А куда они пошли?

– Ясно куда – в тронный зал на прием.

– И там будет свет?

– Будет. Так положено по традиции.

– Значит, там хоть что-то будет видно, – обрадовался Рамарон. – Давайте посмотрим хоть одним глазком, что они там делают! Не могу я же уйти отсюда, так ничего здесь и не увидев!

– Нет, нельзя, – буркнул Горм. – Посторонних туда не пускают.

– Ну вот опять – там не пускают, тут не пускают! Горм, ты же здесь свой, так неужели ты не знаешь хоть какую-то лазеечку?

– Лазеечку? – повторил гном, которому самому было ужас как любопытно, зачем сюда пришли эльфийские посланники. – У этой лазеечки сейчас – знаешь сколько наших уже сидит?

– Ну придумай хоть что-нибудь! – не унимался Рамарон.

– Ладно, придумаю, – сдался наконец гном. – Отец с братьями сейчас в шахте и придут домой только к ужину, так что у меня найдется время погулять по Казаду. Давайте занесем ко мне вещички и пойдем.

– А мы не опоздаем?

– Нет, прием не начнется, пока наш король и наши вожди кланов не соберутся в тронном зале. Как вам известно, здесь живут три из семи гномьих родов, а их главы никогда не принимают посольства порознь. Значит, эльфы будут ждать, пока Гарад из Северного Казада и Хьёрт из Южного Казада не обрядятся в парадные одежды и не займут свои места в тронном зале – да и сам Дарин Третий не любит спешить.

Жилища гномов находились в средних ярусах горы. В верхних ярусах зимой было холодно, там находились склады и вентиляционные ходы, а в нижних, ближе к подземному теплу, располагались кузницы. Шахты были везде, где встречались рудные залежи. После исто-

щения руды их либо отводили под жилые и хозяйственные помещения, либо, если своды были ненадежными, оставляли под свалки отработанных пород и мусора.

Горм так долго вел своих друзей по коридорам, что даже Рамарон начал беспокоиться. Фандуил давно молчал – от гномьих запахов у него разболелась голова.

Наконец они в последний раз спустились по лестнице и оказались в жилом коридоре, по обе стороны которого виднелись занавешенные дверные отверстия. Горм откинул лыковую занавеску и вошел в одно из них.

Там его приветствовал радостный голос, низкий и хриловатый, но, несомненно, женский. Вспыхнул слабый огонек лампы, показавшийся очень ярким в кромешной тьме, и Рамарон наконец увидел внутреннее убранство гномьего жилища. Здесь было чисто и уютно, на полу лежала пестрая плетеная циновка из крашеного лыка, кровати были застланы разноцветными ткаными покрывалами, многочисленные полки со стеклянной, глиняной и металлической утварью были задернуты вязаными кружевными занавесками. Сама гномиха была одета в желтую кофту и длинную поперечно-полосатую юбку красно-коричневой расцветки, подвязанную спереди вышитым фартуком.

Горм представил своих друзей матери, затем довольно долго разговаривал с ней на своем языке. Наконец он обернулся и позвал их к выходу.

– Наби, мой сосед и приятель, служит факельщиком в тронном зале, – сказал он, когда они оказались в коридоре. – Кого попало он к себе наверх не пускает, но меня, думаю, пустит.

Они снова пошли по коридорам, и снова вниз. Наконец впереди показался свет – первый островок света в этом засилье тьмы, если не считать лампы, которую мать Горма зажгла для гостей и тут же потушила, едва они вышли за порог. Просторный коридор заканчивался двустворчатыми распашнутыми дверьми, за которыми виднелась часть огромного, освещенного факелами зала.

В коридоре на темном полу лежало световое пятно, падавшее из боковой двери посольской комнаты, где сейчас сидели эльфы. Сразу же за ней чернело отверстие бокового прохода, куда и свернул Горм. Там начиналась узкая и крутая лестница, ведущая вверх. От каждого пролета отходили коридоры, но гном поднимался по лестнице до самого верха. Миновав небольшую лестничную площадку, он вывел своих друзей на верхний балкон тронного зала.

Тронный зал был просторным, как городская площадь. В высоту он был больше, чем в длину, и имел четыре яруса балконов с рядами колонн, соединенных краевым ограждением. Нижний ярус был широким и предназначался для населения, остальные были узкими и служили опорой колоннам, на которых размещались факелы в золотых держателях, по два на каждой. Балконы, стены и потолок громадного зала были украшены каменной резьбой и рельефными золотыми пластинами со вставками из драгоценных камней, пол был выложен сложным рисунком из разноцветных каменных плит, начинавшимся из центра и напоминавшим каменный цветок.

В передней части зала находилось полукруглое трехступенчатое возвышение, на котором стояли три трона. Все они были настоящими произведениями искусства, на которые не пожалели ни золота, ни драгоценностей. Средний предназначался для королей из рода Дарина, считавшегося старшим среди семи гномьих кланов, остальные два – для вождей двух других кланов, живших в Казад-Думе.

Верхний балкон, где оказались трое друзей, был не более шага в ширину и служил дорожкой для факельщика, обслуживавшего верхний ряд факелов. Через каждые несколько колонн на полу стояли по два ведра – одно со свежими факелами, другое с черной маслянистой горючей жидкостью, которую гномы называют кровью гор.

Факелы в ближних держателях горели, но противоположная сторона была еще темной. Там копошился невысокий чернобородый гном с горящим факелом в руке. Свободной рукой

он вынимал факелы из ведра, обмакивал в жидкость и вставлял в держатели, а затем поджигал их.

Горм помахал гному рукой, тот махнул ему в ответ. Когда все факелы были установлены и подожжены, он подошел к Горму и хлопнул его по плечу вымазанной в черной жидкости ладонью. После того как они поговорили, приятель Горма указал ему на дальнюю часть балкона.

– Наби разрешил нам побыть здесь, – пояснил Горм Рамарону, не понимавшему гномьего языка. – Но имей в виду, мы должны вести себя как можно тише и незаметнее. Моему приятелю не поздоровится, если нас увидят.

Друзья прошли в дальнюю часть балкона и встали там за колоннами. Тронный зал предстал перед ними в полном освещении, пронизанный блеском золота и игрой светотени на диковинных каменных орнаментах.

– Теперь уж ты не скажешь, что ничего у нас не видел, – буркнул Рамарону гордый этим великолепием гном. – Мало кто из атани может похвалиться, что видел наш тронный зал, да еще при всех факелах.

Рамарон не ответил, во все глаза разглядывая стены и потолок. Ему никогда еще не случилось видеть ничего подобного. Фандуила это зрелище не увлекло – он еще в детстве наглядился на роскошь королевских покоев в Мирквуде. Он первым заметил, что в дверях показались гномы, и указал на них друзьям.

– Это вождь Гарад со своей Почетной Десяткой, – сказал Горм, поглядев вниз. – Его место – слева от Дарина.

Вождь Гарад был приземистым, но таким широкоплечим, что выглядел почти квадратным. На нем был надет желтый парадный камзол, его голову увенчивал золотой обруч с драгоценностями, на плечах была темно-бордовая мантия. Лицо Гарада было красным и широким, всю его нижнюю половину закрывала густая темная борода с сильной проседью. Это была поистине королевская борода, благодаря малому росту гнома достигавшая почти до пола. С ним вошли еще десять гномов, все как на подбор мощные, суровые и длиннобородые.

Они проводили Гарада до левого трона, а затем выстроились в ряд вдоль левой стены. Вслед за ними в зал вошел вождь Хьёрт со свитой, такой же грозной и суровой, как у Гарада. Сам Хьёрт был рослым и могучим гномом в расцвете лет, его косматая черная борода до пояса была не столько длинной, сколько широкой, и прикрывала чуть ли не всю его грудь от плеча до плеча. Он занял правый трон, а сопровождающие его гномы выстроились вдоль правой стены.

Последним в зал вошел сам король Дарин Третий, считавшийся не только вождем своего клана, но и королем всех горных гномов. Он единственный из гномьих вождей носил настоящую зубчатую корону из драгоценного сплава митрила и белого золота, называемого также эльфийским серебром. Каждый зубец короны был украшен гигантским алмазом в окружении крупных рубинов. Массивное тело Дарина было облачено в красный с золотом камзол, с его плеч свисала ярко-алая мантия до пола. Король уселся в среднее кресло, а его свита встала у стены за тронами.

Когда все трое гномьих вождей заняли места на тронах, в зал ввели эльфийских посланников. Эльфы вышли на середину зала и поклонились королям по очереди – сначала Дарину, а затем Хьёрту с Гарадом.

– Да продлятся бесконечно дни многославного Дарина Третьего, короля над королями! Да продлятся бесконечно дни могучего Хьёрта и отважного Гарада! – провозгласил Аркуэн. – Да удлинятся бесконечно их бороды!

Сам Аркуэн был безбородым, как все эльфы, и, несомненно, счел бы огромным несчастьем, если бы на его безупречно гладком подбородке появился хотя бы один волосок. Тем не менее он, как истый придворный, произнес эту фразу таким тоном, словно еще с пеленок мечтал о такой же бороде, как у Гарада или хотя бы у Хьёрта.

– Пусть вечно зеленеют деревья в эльфийских лесах! – ответил Дарин. – Мы приветствуем посланцев мудрого Теркеннера в сердце древнего Казад-Дума!

– Мы пришли сюда согласно договору Общего Совета, по которому эльфы обязались сделать кольца дружбы, призванные объединить все народы Средиземья, – произнес Аркуэн. – Эти кольца готовы, и мы явились сюда, чтобы преподнести их вам.

Он повернул голову к стоявшему рядом с ним Олорину. Маг, словно по мановению волшебной палочки, извлек откуда-то из-под плаща ларец и откинул крышку, под которой оказались три изящные, отделанные драгоценными камнями коробочки.

Аркуэн взял среднюю коробочку и открыл ее. Затем он с истинно эльфийской грацией приблизился к Дарину Третьему, опустился на одно колено и протянул ее королю горных гномов. Тот принял коробочку из его рук.

Горм с Фандуилом, забыв об осторожности, высунулись из-за колонн и свесились через барьер, чтобы разглядеть ее содержимое.

– Что там, Фандуил? – взволнованно зашептал Горм. – Посмотри, ты же у нас глазастый!

– «Гриндель», – шепотом ответил эльф.

Темные глазки гнома радостно засияли.

– Как я и мечтал, – пробормотал он. – Это моя лучшая работа!

Фандуил между тем гадал, кому эльфийский посланник отдаст следующую коробочку, Гараду или Хьёрту? Как он поступит, чтобы не обидеть никого из них?

Аркуэн что-то сказал двоим эльфам из его свиты. Они взяли по коробочке и одновременно поднесли их обоим вождям точно так же, как это только что проделал он сам.

– «Ниглаш» и «Рагнар», – объявил Фандуил.

В это время Горма затеребили сзади. Он оглянулся и увидел своего приятеля Наби.

– Вы чего вылезли?! – сердито зашипел на них гном. – Давайте уходите отсюда, а то меня из-за вас в нижние шахты отправят!

Горм попытался уговорить его, но факельщик не уступал. Пришлось им всем пригнуться и чуть ли не ползком пробираться с балкона к выходу.

– Мой «Гриндель» будет на руке самого Дарина, короля над королями! – продолжал ликовать Горм, пока они спускались по лестнице. – Самого Дарина, Который Воплощается – и это моя, моя работа! А шесть других колец наденут вожди наших кланов – и это тоже сделал я!

– Уймись, споткнешься, – буркнул державшийся за его локоть Рамарон, который снова оказался в полной темноте. – Пересчитаем мы с тобой ступенечки до самого низа!

– Ничего ты не понимаешь, болван! – фыркнул на него гном. – Мое кольцо будет на пальце самого Дарина, а ты заладил – ступеньки, ступеньки...

– Еще как понимаю – это все равно, как если бы я спел песню для самого Берена с Лучиэнь, и они похвалили бы меня. Но это не значит, что я должен топтать головой эту бесконечную лестницу.

– Мне вот что непонятно, – подал голос идущий за ними Фандуил. – Почему Теркеннер не стал дожидаться нашего учителя?

– Это как раз понятно, – откликнулся Горм. – Раз кольца уже изготовлены, значит, их нужно было только чуть-чуть дочаровать. Келебримбер хотел это сделать, когда вернется, но теперь сюда явился этот маг – Олорин – а он чего хочешь зачарует. Они с Теркеннером, наверное, посоветались и решили, чтобы единство народов наступило поскорее. Тогда он дочаровал кольца, и их повезли правителям.

– Да, пожалуй. – В голосе эльфа зазвенела счастливая нотка. – А ведь в этих кольцах есть и моя работа. Немножко, но есть.

И они оба радостно рассмеялись – двое мастеров, чья работа получила признание.

Ревущие Водопады под островом Крутояр давно остались позади, также, как и заболоченная пойма Энтовой Мойки. Там двое всадников переправились вплавь через Андуин Великий и объехали ее по восточному берегу, где простиралась обширная сырая местность под названием Хляби, дальше на восток переходившая в Гиблые Болота, изобилующие бездонными топями и поросшие непроходимым кустарником. Но вдоль берега можно было проехать на легконогом эльфийском скакуне, чьи копыта почти не проваливались в густую грязную жижу. Оба всадника миновали остров Кайр Андрос и поскакали по зеленой пойме Итилиена.

Они приближались наискось к скалистому хребту, тянущемуся с севера на юг. В отличие от голубовато-серого гранита Мглистых гор скалы этого хребта выглядели черными, словно посыпанными сажей. От них веяло мраком и угнетающей безжизненностью.

– Безрадостное место, – заметил Келебримбер, когда они подъехали к горам и свернули вдоль подножия хребта.

– Это Хмурые горы, – отозвался Саурон. – Они запорошены черным пеплом огненной горы Ородруин.

– Неужели для того, чтобы сковать кольцо единства, не нашлось места получше?

– Магический амулет такой мощи требует первородного огня для создания. Удобнее всего это сделать на лаве Ородруина – там есть пещера естественного происхождения, по которой мы сможем подойти вплотную к лавовому потоку. Можно было бы сделать это и в Ангбанде, но ты бы не согласился поехать туда, верно? – усмехнулся майар.

– Допустим, – сдержанно ответил эльф.

– Хотя, на мой взгляд, огонь есть огонь, где его ни возьми, – невозмутимо продолжил Саурон. – Разве твой великий дед считался с тем, где он возьмет корабли для отплытия из Валинора?

Келебримбер вздрогнул и нахмурился.

– Мало того, что валары вынудили нас пойти на это! – резко сказал он. – Они еще и извратили эту историю, чтобы как можно больше очернить нас!

– Разве в ней что-то не так? – удивился Саурон. – Разве нолдоры не отняли корабли у тэлери, чтобы пуститься вдогонку за Мелькором?

– Неужели мы погнались бы за Отступником вместе с семьями? Да, мужчины рода Феанора хотели вернуть сильмариллы, но в первую очередь мы хотели покинуть Валинор, как и остальные нолдоры. Об отнятии кораблей сначала и речи не было – мы не умели с ними обращаться и просили тэлери не отдавать нам корабли, а помочь нам переправиться. Тэлери обещали перевезти нас через море, но когда мы пришли на пристань, они узнали, что валары против этого, и нарушили обещание. Мой дед был горяч, он приказал нападать, и несколько жертв, действительно, было. Затем тэлери разбежались – они никогда не отличались мужеством. Среди нас не было хороших мореходов, поэтому мы пошли вдоль берега на север, где пролив был узким. На корабли мы посадили женщин и детей, а мужчины пошли пешком. Но Уинен, нежная и чувствительная майа, так разволновалась из-за тэлери, что походя утопила две трети кораблей вместе с нашими женщинами и детьми. На одном из тех кораблей была и девушка, на которой я собирался жениться. – Келебримбер горько усмехнулся. – Если даже наши мужчины заслуживали наказания, эти-то чем были виноваты?!

– Так вот почему ты никогда не был женат! – догадался Саурон.

– Да, поэтому. Исторические факты правдивы, но это правда валаров. Я не люблю слово «правда» – оно от слова «править». Кто правит, тот и объясняет факты, как ему вздумается. Взять хотя бы историю с сожжением кораблей, в которой обвиняют моего деда!

– Но корабли были сожжены, разве не так?

– Они уже были сильно потрепаны бурей, которую подняла Уинен. Пролив был узким, но в нем плавало множество льдин, а никто из нас, повторяю, не был хорошим мореходом. Пока мы добирались до другого берега, один корабль получил пробоину и едва не затонул, остальные текли, как решета. Снова плыть на них через пролив, да еще туда и обратно, было бы самоубийственным делом, и тогда мой дед приказал сжечь их. Пока мы шли по валинорскому берегу, Финголфин донимал его разговорами вроде «что мы наделали, а не пора ли нам возвращаться», поэтому Феанор был уверен, что, сжигая корабли, всего-навсего дает ему хороший повод вернуться. Он даже и подумать не мог, что оставшиеся на том берегу пойдут через льды.

– Мог бы и подумать, – заметил майар. – Видимо, неприязнь к сводному брату не позволила Феанору верно оценить его.

– Его-то он как раз оценил верно. Если бы все зависело только от Финголфина, его народ вернулся бы к валарам. Но там был Финрод, там был Фингон Храбрый, там была Галадриэль, которая рвалась на свободу. Когда Финголфин распорядился возвращаться, она произнесла там такую речь, что его почти никто не поддержал. И они пошли в это страшное путешествие через ледяные торосы. Мой дед понял свою ошибку, только услышав об этом переходе, и так и не простил ее себе. В своем последнем бою он искал смерти, а вовсе не попался в ловушку, увлекшись погоней за балрогами. Это история валаров утверждает, что Феанор был способен на такую глупость, но мы, его близкие родичи, знаем, что он осудил себя сам.

Резкий порыв восточного ветра донес запах серы из-за Хмурых гор. Келебримбер вскинул голову и глянул в ту сторону, вслед за ним посмотрел и Саурон.

– Ородруин был спокоен в течение нескольких столетий, – сказал майар. – Прежде все здесь было выжжено – черно и засыпано пеплом. За это долину вокруг огненной горы прозвали Мордором – Черной Землей. Теперь здешние воды очистились, а земля покрылась новой травой и деревьями. Пепел горы плодороден, и посевы дают здесь богатый урожай.

– Откуда ты это знаешь?

– На склонах Ородруина встречаются редкие примеси для литейных работ, поэтому я иногда бываю здесь. Мне известно, что на протяжении последних столетий в долине пытались обосноваться то южные орки, то племена из степей Харада. Они понастроили здесь жилищ и укреплений, но в последние годы Ородруин снова начал дымить, и они покинули Мордор.

– Не похоже, чтобы там нашлась питьевая вода и пища для коней, – сказал Келебримбер, разглядывая черные острия скал.

– Найдется, – уверенным голосом ответил Саурон. – Не так давно я посылал гонца к местным атани, которые живут по ту сторону Андуина, и заказал им доставить к огненной горе кузнечное оборудование и припасы, а также подыскать там место, где мы могли бы остановиться на время работы. Когда мне сообщили о выполнении заказа, в ответе говорилось, что все оставлено у входа в пещеру, а у восточного подножия горы есть удобная стоянка. Сейчас в Мордор не ходят ни орки, ни кочевники, поэтому там никто ничего не тронет. По моим расчетам, мы пробудем там около месяца. Несколько дней у нас уйдет на установку оборудования и еще недели три – на изготовление самого кольца.

– Почему они сразу не установили оборудование на место?

– В подземной пещере Ородруина стоит такая жара, что любой атани изжарится, не пройдя и полпути к нему. Жар первородного огня способны выдержать только айнуры или Старшие эльдары.

– Так ты из-за этого отказался, когда я предлагал тебе взять Фандуила?

– Да, он из молодых авари. Даже если он и не поджарится в пещере Ородруина, он все равно не сможет там работать.

– Понятно, – кивнул Келебримбер.

– А знаешь, мне понравились твои слова о правде, – внезапно сказал Саурон. – У валаров своя правда, у вас, нолдоров – своя. У Мелькора тоже была своя правда. Я был тогда учеником

Ауле, но услышал ее и пошел за ним. Мелькор был не так плох, как о нем рассказывают, просто у него были свои идеи о том, как должен выглядеть мир, и он был достаточно могущественным, чтобы попытаться осуществить их. Он потерпел поражение и его выставили в истории как исчадие зла, но неизвестно, как она выглядела бы, если бы он победил. И уж конечно, главу про Эонвэ следовало бы написать в ней совсем иначе. Ты, полагаю, не знаешь, почему этот светоч всех мыслимых и немыслимых добродетелей так великодушно уступил сильмариллы твоим дядям?

Келебримбер изумленно повернулся к майару.

– А ты это знаешь?

– Еще бы мне не знать! Меня называли правой рукой Отступника, и я не считаю это оскорблением. Когда Берен стащил у него сильмарилл, да еще при этом угодил ему кинжалом в лицо, Мелькор был, мягко говоря, недоволен этим. Прежде он не пытался снять с сильмариллов заклятие Феанора, но не потому, что это было невозможно для него – пусть Феанор был могущественнейшим из эльдаров, но Мелькор был могущественнейшим из валаров. Он оставил это заклятие потому, что оно великолепно защищало камни от ненадежных сподвижников – но после кражи сильмарилла он снял его с двух оставшихся камней и наложил на них свое, которое поражало безумием каждого, кто возьмет их в руку – кроме него самого, конечно. Я был при нем, когда он это делал, поэтому мне нетрудно было догадаться, что случилось с твоими дядями. Когда к Эонве принесли корону Мелькора с сильмариллами, он обнаружил, но не сумел снять с них заклинание, наложенное самим Отступником. Поэтому он уступил сильмариллы Маэдросу и Маэглору, когда те потребовали их себе. Взяв камни, оба сошли с ума и им стало мерещиться, что сильмариллы жгут их. Маэдрос спрыгнул в лавовую трещину, каких там образовалось множество во время всеобщей драки, а Маэглор убежал на берег моря и бросил свой камень в воду. Во всей истории Первороденных есть только эти двое, которые сошли с ума – ясно, что такое могло случиться только от заклятия Мелькора.

– Я тоже это знал, – тихо сказал Келебримбер. – По окончании Войны Гнева Теркен отправился искать отца и взял меня с собой. Мы нашли Маэглора на берегу океана – он был совершенно безумным и не отвечал на наши слова. Он даже не замечал нашего присутствия, но все время пел песни собственного сочинения, в которых говорилось то, что ты сейчас рассказал мне. Сначала мы с Теркеном думали, что это от безумия, но я вдруг заметил, что на ладонях Маэглора нет ни следа ожогов. У него были чистые, неповрежденные ладони – иначе как бы он играл на лютне? Мы пытались увести его домой, но Маэглор наотрез отказывался уходить оттуда, где лежал сильмарилл, и в конце концов мы оставили его в покое. Он был совершенно счастлив там, на берегу. Может, он и до сих пор там.

– Вот видишь, а в истории написана совсем другая правда. Она от слова «править» – а значит, прав тот, кто правит. Ты это понимаешь, Феанарэ?

– Это – утверждение, не слишком сложное для понимания.

Темные глаза Саурона обернулись к Келебримберу, стремясь поймать его взгляд.

– Возможно, но вопрос еще и в том, как понимать его. Можно ведь и так – правь, и ты будешь прав. Разве тебе никогда не хотелось рассказать миру свою правду об уходе нолдоров из Валинора? Или очистить доброе имя твоего великого деда от налипшей на него грязи и ложных толкований? Разве это справедливо, что другим можно толковать историю в свою пользу, а тебе нельзя?

Эльф заметил настойчивое внимание своего спутника и слегка пожал плечами:

– Что с того, что история подобна самке гоблина, которую любой из самцов ее племени имеет, как ему вздумается? Я – не гоблин, я слишком брезглив для этого.

– Брезглив? – пренебрежительно фыркнул майар. – Даже валары имеют эту суку-историю, как им заблагорассудится. Кто ты такой, чтобы брезговать тем, чем не брезгуют и боги?

– Кто я такой? – Келебримбер усмехнулся, но затем задумался. – А действительно, кто я такой? Первороденный – но не каждый из Первороденных рассуждал бы точно так же. Нолдор, искатель мудрости – но каждый из нас ищет ее на своих путях. Феанарэ по прозвищу Келебримбер – но имена забываются. И если бы я не был ни Первороденным, ни нолдором, ни Феанарэ – я все-таки был бы тем, кто я есть. Значит, я – это просто я, и если я придерживаюсь каких-то убеждений, мне все равно, нолдор я, валар или гоблин. Пусть даже я брезгую тем, чем не брезгают и боги.

– Убеждения не вечны, – возразил ему Саурон. – Мир меняется – а с ним меняются и они. Сама жизнь заставляет пересматривать их, и тот, кто не сумеет сделать это вовремя, безнадежно отстанет от жизни.

– Убеждения бывают разные. Одни меняются быстрее, другие медленнее, а некоторые остаются неизменными на многие эпохи. Это все равно, что морские воды – на поверхности они постоянно в движении, глубже их могут затронуть только штормы, а на больших глубинах они остаются неподвижными, пока существует море.

Возможно, кто-то и нашел бы этот ответ достойным искателя мудрости, но Саурон завел разговор не ради философского диспута. Ему было нужно, чтобы Келебримбер примкнул к нему, и у него были веские причины надеяться на успех. Майар считал нетрудным соблазнить властью внука мятежника Феанора, на собственной жизни испытавшего все беды и обиды, которые выпали нолдорам во время ухода из Валинора.

– Разве ты забыл, что валары не захотели помочь вам вернуться в мир? – напомнил он. – Вместо этого они прикинулись, что не держат вас, и посеяли рознь между эльдарам. Это из-за них вы убивали друг друга на пристани, тонули вместе с кораблями, гибли во льдах – и ты это помнишь. Неужели ты не хочешь расплатиться с ними за это?

Эльф бросил на майара недоуменный взгляд.

– Если я помню чужие гадости, то не для того, чтобы повторять их самому. Напротив, я помню их для того, чтобы никогда не повторять их.

– Но если ты получишь власть – большую власть – ты уже не будешь зависеть от валаров. Тогда ты сможешь быть на равных с ними и заставишь их считаться с тобой.

Келебримбер отвел глаза, чтобы скрыть пока еще смутную догадку. Этот майар до сих пор был одержим жадной власти, сохранившейся в нем со времен Отступника. Но если Мелькор бросил свой вызов от силы, этот стремился к самоутверждению от слабости.

– Зря ты думаешь, Саурон, что властитель обретает независимость. – В голосе мастера невольно промелькнул оттенок предупреждения. – Он зависим от тех, кого он подчинил себе, причем не меньше, чем они от него. Возьми любого властителя, посмотри, кого он подчинил, чем, почему и как – и ты узнаешь о нем все.

Саурону хватило проницательности, чтобы заметить настроение мастера, и он снова оставил попытки уговорить эльфа. Крепким орешком оказался этот Келебримбер, но майар продолжал надеяться, что не безнадежным.

Долина Мордора поросла густой травой, сквозь которую не просвечивала черная земля. Сейчас, ранней осенью, эта трава поблекла и потускнела, хотя еще годилась в пищу лошадям. Ручьи здесь были с дождевой водой, которую нельзя было пить, но у подножия гор встречались и родники. Ородруин дымил день и ночь, господствовавшие здесь юго-восточные ветра относили дым на северо-запад, где он частично оседал на склонах Пепельных гор, а затем уносился в Гиблые Болота. Южная часть долины оставалась чистой, только вокруг огненной горы чернело кольцо безжизненной, отравленной земли.

У южного хребта виднелось множество поселений орков и харадских кочевников. Келебримберу бросилось в глаза, что они стояли вперемешку, хотя эти племена никогда не жили совместно. Даже если предположить, что они селились здесь в разное время, казалось странным, что они не растащили жилища своих предшественников. Еще более странными выглядели длинные бараки непонятного назначения, похожие на большие конюшни, но с дверьми, как у обычных жилищ. В средней части долины чернели прямоугольники убранных полей, выглядевшие свежими, хотя за несколько лет они должны были зарости травой.

– Орки жили здесь совсем недавно, а не несколько лет назад, – сказал он Саурону. – В этом году здесь убирали урожай.

Майар окинул быстрым взглядом исчерченную прямоугольниками полей долину.

– Ну, возможно, в этом году гора была спокойнее, и они позарились на хорошие земли, – предположил он. – Сейчас южные племена не живут здесь постоянно – они ушли отсюда, как только собрали зерно. Нам нечего опасаться наскочить на них.

Келебримбер с возрастающей тревогой разглядывал оркские хибарки. Издали они выглядели так, как будто были жилыми. Казалось, они были оставлены хозяевами не более, чем несколько дней назад. Он подумывал даже, что не помешало бы свернуть туда и посмотреть на них поближе, но Саурон торопил его к горе.

Они объехали Ородруин с юга, чтобы не попасть под ядовитые испарения, темной струйкой поднимающиеся из жерла горы. К северо-востоку от нее, в изгибе хребта Пепельных гор, возвышалась крепость, сложенная из черного камня. Келебримбер даже придержал коня, чтобы разглядеть это устрашающее сооружение.

– Откуда это здесь? – встревожился он. – Разве орки строят такие укрепления?

– Это древняя заброшенная крепость, – невозмутимо ответил Саурон. – Три века назад в Мордоре пытались обосноваться агани, которые построили ее для защиты от орков, но затем орки выбили их оттуда. Сами они не живут в таких крепостях, поэтому она пустует.

Эльфийское зрение мастера и с такого расстояния позволяло увидеть, что крепость у подножия Пепельных гор не выглядела древней развалиной. Напротив, она выглядела новой и прочной.

– Может, съездим и посмотрим, что там такое?

– Мы здесь не для того, чтобы исследовать никчемные развалины, – сухо напомнил ему майар. – Нам нужно не туда, а вон туда.

Он указал на восточный склон Ородруина. От подножия горы вверх вела узкая ниточка тропы. На уровне двух третей высоты, там, где пологая нижняя часть горы переходила в остроконечный конус, виднелось отверстие пещеры, к которой вела тропа.

– Тропа? – удивленно произнес Келебримбер. – Здесь так часто ходят?

– Орки использовали эту пещеру в ритуальных целях. Перед там, как покинуть долину, они пытались задобрить бога горы с помощью кровавых жертв, но это не помогло. В начале подъема есть ручей с питьевой водой, там мы и остановимся.

У подножия Ородруина, действительно, протекал ручей. Он тек со стороны крепости, огибал гору с юга, а затем впадал в одну из грязных, загаженных пеплом речонок Мордора. Путники спешили у ручья неподалеку от тропы и расседлали коней. Судя по еще не размытому дождями костровищу, они были не первыми, кто останавливался здесь.

– Это следы группы, которая привезла сюда оборудование, – сказал Саурон, заметив, с каким вниманием его спутник разглядывает вытопанную площадку.

– А где же само оборудование?

– Его должны были поднять вверх и оставить у входа в пещеру. Надеюсь, что оно там.

Оставив вещи на стоянке, они пошли к пещере. Тропа была широкой и хорошо расчищенной. Она начиналась прямым подъемом на пологом участке нижней части склона, а затем делала петли на крутых участках горы, словно предназначалась не для пеших путников, а

для транспорта. Последний участок тропы проходил по застывшему языку лавы, вылившейся когда-то из пещеры.

Вход в гору выглядел как черное отверстие вышиной в полтора эльфийских роста. Образованная выходом раскаленных газов из трещины, пещера была округлой в поперечнике и оплавленной изнутри, словно неведомый горный мастер позаботился о том, чтобы укрепить и отшлифовать эти стены. Прежде отсюда изливалась лава, но затем уровень лавы в горе упал, и канал освободился.

Из отверстия тянуло удушливым, пахнущим серой жаром. Ящики лежали внутри, в нескольких шагах от входа, а глубже жар становился нестерпимым для атани. Айнуры могли переносить жару и холод благодаря магической ауре, непроизвольно возникавшей вокруг них в соответствующих условиях. Эльфы тоже имели такую способность, но она была у них не врожденной, а развивалась с возрастом, достигая полной мощи после нескольких тысячелетий жизни.

Саурон оглядел ящики, затем пробормотал сквозь зубы заклинание открытия, отчего все заколоченные гвоздями крышки немедленно соскочили и откинулись. Он заглянул поочередно в каждый из ящиков.

– Та-ак, – протянул он. – Наковальня... тигли... инструменты... еще инструменты... кожухи для тиглей... пакеты с добавками... Очень хорошо. – Он вынул из ящика кирку и лопату, затем оглянулся на Келебримбера и подал ему лопату: – Идем на место, там нужно подготовить площадку для работы.

Он уверенно зашагал в глубь горы по оплавленному раскаленными газами проходу. Келебримбер пошел за ним, ощущая, как напрягается его магическая аура. Как она была бы кстати тогда, во время ухода из Валинора – но в те времена все эльфы, даже Нерожденные, были еще слишком молоды, чтобы иметь эту защитную способность.

Пещера шла наклонно вниз, без изгибов и поворотов. Жар с каждым шагом становился сильнее, превращаясь в настоящее пекло – впрочем, место, куда они шли, и было самым настоящим пеклом. Наконец впереди появилось кроваво-красное свечение, и вскоре они вышли из пещеры наружу. Как оказалось, они прошли склон насквозь и вышли на берег лавового озера, кипящего в кратере Ородруина. Наверху виднелось небо, едва различимое сквозь дымные испарения горы и почти не дававшее света. Зато светилась лавовая чаша, багрово-красная, словно наполненная кипящей кровью, по которой пробегали черные и оранжевые прожилки. Выход из пещеры располагался чуть выше поверхности огненного озера и заканчивался небольшой площадкой, забрызганной комьями лавы.

Саурон начал сбивать эти комья киркой, чтобы выровнять площадку, а Келебримбер – сбрасывать их в лаву. Хотя магическая аура защищала майара и эльфа от жары, она, как и любое усилие, постепенно истощалась. Вскоре они были вынуждены прекратить работу и вернуться на стоянку.

– Мы не сможем работать там целыми днями, – сказал Саурон, когда они спускались по тропе. – Поэтому я распределил работу так, чтобы мы использовали наше время наилучшим образом. Завтра мы закончим расчистку и установим наковальню. Она нам не понадобится по назначению, но нам нужен рабочий стол, который не сгорит в этих условиях. Тигли мы закрепим в держателях на берегу так, чтобы их нижняя часть доставала до лавы, и накроем кожухами для защиты от лавовых брызг. Расплав для кольца должен кипеть, пока мы не наложим на него все необходимые заклинания.

Только сейчас Келебримбер понял, на какую мощь было рассчитано это кольцо. Заклинания, наложенные на расплав, получались гораздо мощнее обычных и не ослабевали со временем.

– А какой камень ты собираешься вставлять в кольцо? – спросил он.

– Никакого. Даже если какой-то камень и выдержит условия обработки, он будет только мешать колдовству. То же касается и отделки – она только мешает прохождению силы. Будет самый обыкновенный, гладкий ободок.

– Но тогда оно уже не будет украшением, – заметил мастер.

– К Манвэ украшения! – огрызнулся Саурон. – Будь оно хоть медяшкой – весь мир залюбуется им, когда узнает, что оно делает!

Келебримбер изумленно глянул на майара – слишком много необъяснимой горячности тот вложил в свое восклицание. Тот заметил взгляд своего спутника и осекся.

– Извини, я, кажется, немного перегрелся. Я хотел сказать, что когда хочешь усилить главное, приходится уступать во второстепенном. Если навешать на это кольцо всяких украшательских штучек, оно неизбежно станет слабее, а мне хотелось бы вложить в него всю силу, какую оно способно нести. Поэтому оно будет простым.

– Я даже и не предполагал, что такая проблема может возникнуть – но, возможно, я не вполне представляю, что должно делать это кольцо. Какие заклинания ты собираешься на него поставить?

– Во-первых, заклинание безразмерности, как и на все остальные кольца. Затем заклинание нестираемости, усиленное добавками. Когда мы установим наковальню и тигли, я начну очищающую плавку, а ты сделаешь форму для заливки. Постарайся сделать ее без малейшего зазора, потому что отлитое кольцо не будет поддаваться шлифовке. Хоть оно и задумано простым, будет лучше, если на нем не останется полоса стыковки половинок формы.

– Сделаю. А другие заклинания?

– Мы будем накладывать их на кипящий расплав по одному в день, но, возможно, и реже. Нужно, чтобы каждый из нас отдохнул и собрался с силами перед следующим заклинанием. Мне хотелось бы, чтобы ты наложил на него заклинания приязни и истинного зрения, а об остальных я позабочусь сам.

– Заклинание истинного зрения? Но зачем оно здесь нужно?

– Верховный правитель над народами должен сначала собственными глазами увидеть, что где происходит, и только затем выносить решение.

Келебримбера несколько озадачили слова «верховный правитель над народами», но он признавал разумное верховное правление.

– Хорошо, а какие еще?

– Я предполагаю также наложить заклинание невидимости. Кольцо даст большую власть, поэтому его носителя нужно обезопасить от злоумышленников.

– Какие могут быть злоумышленники среди эльфов? – удивился мастер. – Кроме того, каждый взрослый эльф способен к истинному зрению, поэтому заклинание будет бесполезным.

– Это свойство предназначается для защиты от других народов. Еще, я думаю, не помешает и заклинание поддержания жизни в теле – мало ли, в каких обстоятельствах придется носить этот амулет. И конечно, на кольцо нужно наложить заклинание единства. Я наложу его последним, как самое мощное. Можешь не сомневаться, работы хватит нам обоим.

Оставшуюся часть дня они перебирали содержимое ящиков и готовили оборудование для работы. Саурон оставил попытки соблазнить Келебримбера властью, хотя тот был нужен ему и сейчас, и в дальнейших планах. Было бы очень некстати спугнуть мастера в такое ответственное для работы время, и майар придумал лучший план. Среди прочих заклинаний он решил наложить на кольцо заклинание соблазна властью, которое должно было действовать на каждого, чья сила слабее силы кольца. А затем, когда кольцо будет готово, он даст его примерить Келебримберу, после чего тот захочет власти. И тогда будет совсем нетрудно уговорить его на остальное.

Целый месяц они трудились над золотым слиточком, расплавленным в тигле на лаве. Сыпали в расплав крохотные, тщательно вымеренные порции добавок, накладывали заклинания на жидкое золото и давали ему застынуть, чтобы волшебство принялось. Затем снова плавили, добавляли и заклинали.

Пока расплав готовился, Келебримбер с помощью алмазных резцов вырезал каменную форму для заливки. Поскольку кольцо создавали безразмерным, она должна была определять размер изделия, только пока им не пользовались. Затем он наложил на форму заклинание, делавшее ее пригодной для создания безразмерных изделий, и теперь объем расплава, вдвое превышавший ее объем, должен был поместиться там без остатка, в точности по ее величине.

Наконец наступил день отливки. Три дня до этого они не трогали кипящий тигель, а только приходили к месту плавки по несколько раз в день, чтобы проверить, все ли в порядке. Келебримбер смазал форму изнутри жидким маслом из ядрышек лесного ореха и подал Саурону. Тот еще раз внимательно оглядел ее, затем одобрительно кивнул и поставил на наковальню. Саурон сегодня был сильно взволнован – даже при кроваво-красном отсвете лавы было заметно, каким лихорадочным блеском горят глаза майара.

– Последнее заклинание – и оно будет готово, – пробормотал он сквозь зубы, забыв на мгновение о своем помощнике. – Крохотный золотой ободок, который будет стоить дороже всех сокровищ мира... Кольцо всевластия...

– Что ты сказал? – Келебримбер расслышал его слова, но не поверил собственным ушам.

– Кольцо единства – сегодня оно будет готово. – Темные глаза Саурана повернулись к Келебримберу. – Оставь меня одного, чтобы ничто не отвлекало меня во время заклинания. Все-таки я буду должен отдать туда ни много ни мало, а половину своей силы.

– Половину? Зачем так много?

– Ты так постарался над эльфийскими кольцами, что меньше нельзя – но и больше тоже нельзя, или оно выйдет из повиновения. Иди в лагерь и жди меня там, я вернусь туда уже с кольцом. Не удивляйся, если я задержусь – мне предстоит непростое дело.

Келебримбер кивнул и пошел к выходу. Это было обычным, когда колдун оставался один во время выполнения мощного заклинания. Особенно такого мощного, как это.

Когда он шел обратно по пещере, безотчетное чувство тревоги заставило его замедлить шаг, а затем остановиться. Мастеру вдруг вспомнились некоторые странности в поведении Саурана, которые он замечал, но отказывался понимать – возможно, потому, что при определенном толковании они приводили к неприятным выводам, превосходившим его воображение. Келебримбер был просто не способен ни о ком думать так плохо.

Но сейчас, когда перед его глазами еще стоял лихорадочный блеск в глазах Саурана, когда в его ушах еще звучала оговорка майара, привычка Келебримбера истолковывать чужие поступки к лучшему сменилась самой заурядной подозрительностью. Какое заклинание этот майар наложит на кольцо, присовокупив к нему половину своей мощи? И что он сделает, когда у него в руках окажется такой могущественный амулет? Сам Келебримбер отдал бы его Гил-Гэладу, и до сих пор он был уверен, что и Саурон поступит так же. Но по дороге сюда он убедился, что они с Сауроном были разными – слишком разными. Нельзя было судить о поступках этого майара по себе.

Он немного постоял в нерешительности, не зная, идти ему дальше или все-таки вернуться и подсмотреть за Сауроном. В подсматривании было что-то низкое, противоречащее его натуре, но... – мастер повернулся и поглядел туда, где оставался Саурон.

Словно во сне, он сделал шаг обратно по коридору. Второй дался ему уже легче – в любом низком деле самым трудным бывает первый шаг. Он осторожно ставил перед собой ступни –

одну за другой, одну за другой – пока не увидел багровое отверстие выхода и расчищенный клочок площадки, на котором была установлена наковальня. Саурон стоял спиной к пещере – он как раз поставил тигель на наковальню и готовился к заклинанию.

Все внимание майара было сосредоточено на предстоящем волшебстве. Келебримберу было известно, что в такие мгновения даже самые чуткие колдуны не видят и не слышат, что творится вокруг, поэтому он рискнул приблизиться еще. В этот миг Саурон простер ладони над тиглем и заговорил – громко и властно, во всю мощь своего голоса:

Nakun – ban ulf-hai shurub u balukan zamuk,
Nashnur – ba dvor-hai kanub, gorok u balkun ukuk,
Nazagamar – ban atakun-hai vagum, atar ish agh ibukon,

Грубые и тяжелые созвучия эхом раскатывались по жерлу вулкана, тревожа пламенеющую поверхность лавы. Келебримбер очень давно жил на свете и все это время не считал никакие знания лишними, поэтому он не только узнал оркский язык, но и сумел перевести произнесенные майаром фразы. Язык орков был груб и примитивен, но обладал своеобразной выразительностью:

Числом-три – для эльфов кичливых в междревесных городах,
Числом-семь – для гномов гневливых, скрытых в межгорных пещерах,
Числом-дюжина – для атани-смертных, что слабы и недолговечны...

Весь этот перевод мгновенно пронесся в голове Келебримбера, пока майар договаривал продолжение:

Agh nash – ba kugh, Bahul ta burz anatucon,
Burzum-ishi kangurad bubhosh batul.

Смысл этой фразы заставил мастера похолодеть, несмотря на окружающее его пекло:

И числом-один – для меня, Владыки на троне черном
Во тьме необъятной владений великих.

Так, значит, Саурон делал это кольцо для себя! И он с самого начала знал об этом! Келебримбер стоял, остолбенев от потрясения, пока майар договаривал заключительную часть заклинания:

Ash nazg durbatuluk, ash nazg gimbatul,
Ash nazg thrakatuluk agh burzum-ishi krimpatul – Burzum-ishi kangurad bubhosh batul!

Слово «назг» по-оркски означало не только кольцо, но и звено цепи, и перевод звучал примерно так:

Чтобы звеном цепи покорить их всех, чтобы звеном цепи найти их,
Чтобы звеном цепи собрать их всех и во Тьме соединить их -
Во тьме необъятной владений великих.

В одно мгновение замысел Саурана прояснился мастеру – и предложение майара на Совете, и его усердие в этом деле, и слова о половине вложенной силы, которые имели значение, только если собственником кольца будет он сам. Хитрый майар обманул доверившихся ему правителей, и они сами попались к нему в ловушку! Кольца дружбы оказались звеньями колдовской цепи, которой Саурон собирался сковать и поработить все народы Средиземья, а это кольцо предназначалось ему самому, чтобы управлять через него остальными кольцами. Вот почему он так странно оговорился, назвав его кольцом всевластья!

Пока Келебримбер осознал это, Саурон взял тигель щипцами и понес на лаву, так как расплав остыл во время наложения заклинания и нужно было снова нагреть его перед заливкой. Сообразив, что сейчас Саурон повернется и увидит его, мастер помчался наружу. Теперь он до конца увидел всю глубину предательства майара и его мысли заметались в поисках выхода из сложившегося положения. Было очевидно, что в одиночку он не справится с Сауроном – он просто погибнет, и тогда ничто не помешает майару привести свой коварный замысел в исполнение. Нужно было, чтобы об этом замысле узнали все, кто так опрометчиво принял вовремя подсказанный совет, казавшийся таким удобным.

Келебримбер бегом бежал по дышащему жаром проходу. Ведь знал же он, знал, что идея достигнуть взаимного согласия с помощью жалких побрякушек не может привести ни к чему хорошему! Ведь понимал же он еще тогда, на Совете, что мир достигается только разумом и доброй волей каждого из правителей, и больше ничем! Почему же он так слепо доверился решению большинства? Почему не выступил против этого решения, почему не постарался убедить остальных, что легкий выход – это не выход? Какая злая сила заставила его промолчать?

Мастер выбежал из пещеры и помчался вниз по тропинке, еще не зная, что предпринять. Только оказавшись на стоянке, он перевел дух и в растерянности обвел долину взглядом. Все вокруг выглядело очень мирным, словно и не было этого кошмара, нависшего над Средиземьем – влажная дымка над спокойными вершинами Пепельных гор, примятая осенняя трава, прогоревший костер, дорожные вещи и посуда, оба коня, пасшиеся неподалеку на берегу ручья.

Прямо перед ним замаячило черное пятно, оказавшееся той самой крепостью, которую Саурон назвал старыми развалинами. До сих пор Келебримбер не обращал на нее внимания, поверив Саурону на слово, но теперь он отчетливо осознал, что крепость была новой и сильно укрепленной – более того, атани строили свои крепости иначе. Приглядевшись еще, он вдруг заметил, что ее ворота были наглухо закрыты, чего не никак могло быть, если бы она была брошенной. Похоже, Саурон знал об этой крепости многое, и к тому же совсем не то, что он сообщил о ней своему помощнику.

Мастер перевел взгляд на поселения у южного хребта – там никого не было, но что-то в них наводило на мысль, что хозяева не побросали свои поселки, а ненадолго отлучились оттуда. Странные здания, похожие на конюшни, наверное, были жилищами для воинов. Неужели вся эта дикарская рать подчинялась Саурону? Неужели это он отослал отсюда орков и кочевников на время изготовления кольца, а обитателям крепости приказал затаиться?

Теперь, когда рассудок Келебримбера освободился от наивного убеждения в порядочности Саурана, догадки обрушивались на него одна за другой. Несомненно, изготовление колец было только частью общего плана, в который входила и подготовка военных сил. Пока их здесь было не так много, чтобы они составляли серьезную угрозу, но, возможно, они имелись и в других местах, не доступных его взгляду.

Кто-то более искушенный в интригах и коварстве мог бы притвориться перед Сауроном, чтобы обманом выпытать у него побольше или даже лишить его тела и этим приостановить его планы, но Келебримбер был слишком честным для этого. Он даже и не задумывался, сумеет ли он скрыть свои чувства от Саурана, когда тот появится в лагере. Ошеломленный своими

открытиями, он мог думать только о том, как бы поскорее сообщить о них правителям народов Средиземья.

Его отчаянно мечущиеся мысли наконец замкнулись на одной – бежать отсюда, и как можно скорее! Но сколько у него было времени в запасе? Скоро ли вернется Саурон? Келеб-римбер вспомнил, что в его распоряжении еще есть время – пока кольцо застывает в форме, оно должно оставаться в пекле Ородруина. Совсем немного времени...

Еще не вполне сознавая свои действия, мастер окликнул коня, схватил сверток с эльфийскими дорожными лепешками, лежавший под кустом поверх других припасов, и вскочил на спину Лалачаэ. Благородный скакун без слов почуял волю хозяина и птицей помчался по Мордорской долине – на запад, к Великому Андуну. Заливистым смехом раскатился по окрестным горам звук его копыт, при спешке делавших и по семь дней пути за день.

Саурон взял щипцы в обтянутую толстой кожаной перчаткой руку и извлек раскаленный тигель из пылающего лавового горнила. Затем он склонился над наковальней и тонкой струйкой вылил расплавленное золото в форму. Когда тигель опустел, Саурон простер ладони над формой и громко повторил заключительную часть заклинания, запечатлевая ее на кольце:

Ash nazg durbatuluk, ash nazg gimbatul,
Ash nazg thrakatuluk agh burzum-ishi krimpatul

Черное дело было сделано, и чудовищное порождение ненасытного властолюбия майара обрело бытие. Стоя перед наковальней, Саурон неотрывно глядел на форму, в которой застывало кольцо. Он не чувствовал ни усталости, ни огненного жара, которым дышало лавовое озеро, тяжело бурлящее в нескольких шагах от него. Он не чувствовал даже потери половины своей силы – ведь она была здесь, перед ним, заключенная в крохотном золотом ободке. Она была в нем, словно семя, посаженное в плодородную почву, словно деньги, отданные в рост. Теперь это была сила, призванная приносить силу.

Глядя на форму с кольцом, он чувствовал только торжество. Оно заполняло майара, будучи первым отголоском настоящего торжества – предстоящего торжества, когда он приведет свой замысел в исполнение. Что с того, что он был из младших богов, обреченных быть на побегушках у старших и целую вечность довольствоваться жалкой ролью, отведенной им творцом Илуватаром? Он докажет им всем, что он в силах переписать свою судьбу, он покажет им всем, чего достоин он и чего стоят они!

Он смотрел на кольцо и видел, как собьет с них всю их спесь и самоуверенность. Он видел, как он рассчитается с валарами за все их высокомерие и за все унижения, которые он претерпел от них. Сколько он помнил себя – а он помнил себя с начала этого мира – они обращались с ним, как со слугой, и никогда не смотрели на него иначе. А он тоже был богом – и он напомнит им это! У одного майара немного силы, но когда у него в руках будут все народы этого мира, тогда счет сил пойдет по-другому. Что бы там ни мнили о своем могуществе высокомерные валары, орда муравьев может загрызть даже дракона!

Вот тогда уже он будет обращаться с валарами, как со слугами. Тогда уже он будет приказывать им – но что бы они там ни воображали об его отношениях с Мелькором, он не потребует у них вернуть Отступника обратно. Отступник там, где и полагается быть безнадежным неудачникам, вместе со своими идеями об устройстве этого мира. Несчастный фантазер, он воображал, что власть нужна ему для того, чтобы другие не мешали ему творить по собственному вкусу. Этот глупец забыл, что даже богу нельзя сидеть сразу на двух стульях, он и не подумал, что власть сама по себе – величайшая ценность мира.

Но он, Саурон, никогда не забудет, что власть нужна ради самой власти.

Выждав положенное время, он разъединил половинки формы и извлек кольцо на наковальню. Это был скромный золотой ободок, даже не митриловый, но его кажущаяся простота

не мешала майару видеть заключенную там силу. Он стянул с рук защитные кожаные перчатки и взял кольцо голыми пальцами. Оно было раскаленным и жгло кожу, но Саурон не чувствовал боли. Он приблизил кольцо к глазам, чтобы разглядеть надпись, идущую по внутренней поверхности ободка.

Там слабо светились две главные строки заклинания, предназначенные для подчинения остальных колец. Рядом поблескивали три оркских символа, обозначающих числа «три», «семь» и «дюжина». В этих символах и заключалась связующая сила колдовской цепи, которую он собирался накинуть на народы Средиземья. Символ «три» был тусклым и почти не светился, потому что кольцо всевластья еще не побывало в контакте с эльфийскими кольцами, но другие два были яркими и излучали силу. Можно было бы хоть сейчас приказывать их носителям, но кольца гномов пока оставались в мастерской Келебримбера, а кольца атани хранились в его собственной крепости Барад-Дур, которую он представил мастеру как заброшенную.

Он напомнил себе, что сейчас еще не время приказывать. Нужно было еще подчинить себе эльфийские кольца, а затем дожидаться, когда они попадут по назначению. С гномьими кольцами было все ясно – они предназначались семи вождям кланов и должны были попасть к ним в самое ближайшее время. С атани было сложнее – даже среди правителей этого короткоживущего народа редко встречались личности, достойные стать его ближайшими слугами, носителями одного из звеньев его колдовской цепи. Его назгулами.

Втайне от Келебримбера Саурон наложил на кольцо всевластья заклятие, продляющее срок пребывания в мире для смертных носителей его колец. Поскольку он был всего лишь майаром, он мог обеспечить им существование только в иной материальности. Но и в таком виде они должны были просуществовать достаточно долго, если поддерживать их собственной силой, и были вполне пригодны для выполнения его приказов. Поэтому с атани не следовало спешить, тем более, что они быстро сменяли друг друга. Ему еще предстояло долго и тщательно выбирать среди них достойнейших – настоящих вождей, умных и могущественных, наиболее соответствующих тем великим задачам, которые он возложит на них.

По мере того, как кольцо остывало в руках Саурона, надписи на внутренней поверхности ободка медленно потухали. Когда они стали невидимыми, майар надел кольцо на средний палец правой руки, и мир в его эльфийских глазах сразу же изменился. Благодаря заклинанию истинного зрения им стали доступны явления иной материальности, а все вещественные объекты стали выглядеть такими, какими они виделись оттуда. Это зрелище не было новым для Саурона, потому что он не всегда носил вещественный облик. Удостоверившись, что заклинание Келебримбера работает, он вспомнил о мастере и решил проверить на нем заклинание невидимости – хотя Старшие эльфы были способны к истинному зрению, нужно было еще догадаться использовать его.

Оставив кольцо на пальце, он пошел к выходу. Снаружи был солнечный полдень, такой погожий, что туманная дымка над горами рассеялась. Крепость Барад-Дур виднелась так отчетливо, что майар даже разглядел ее плотно запертые ворота и невольно нахмурился. Если это заметит и Келебримбер, неизбежны неприятные расспросы – но Саурон давно уже выучился направлять в нужное русло наивную доверчивость мастера, в глубине души подсмеиваясь над ней.

У подножия горы он заметил крупную бабочку, порхавшую над кустом. Повинуясь внезапному порыву, Саурон сделал шаг к порхающей красавице. Она уселась на кончик ветки, не замечая майара, и подставила солнцу яркие крылышки, чтобы принять в себя последнее осеннее тепло. Саурон протянул к ней невидимую руку – но когда до ее крыльев оставалось не более ширины пальца, бабочка вдруг что-то почуяла и унеслась с ветки в недостижимую даль. Он проводил ее взглядом и усмехнулся.

Отсюда было уже рукой подать до стоянки. Саурон глянул туда поверх кустов, но не увидел мастера. Подумав, что Келебримбер разводит костер или прилег отдохнуть, он подошел поближе и заглянул за кусты.

Мастера там не было. Это не насторожило Саурана, потому что Келебримбер мог уйти вниз по ручью, чтобы прополоскать одежду или помыться. Он подождал немного на стоянке, затем снял кольцо и походил туда-сюда, окликаая мастера.

Тот не отозвался. Зато на призыв хозяина откликнулся ржанием Морлаймэ, и Саурон невольно глянул туда, где пасся его скакун. Вначале он не мог понять, что же такое вдруг заставило его ощутить мгновенный холодок тревоги – но затем до него дошло, что рядом с Морлаймэ не было серого Лалачаэ, скакуна Келебримбера.

Он завертел головой по окрестностям, еще надеясь разыскать Лалачаэ и одновременно гадая, куда мастер мог направиться на своем скакуне. Неужели Келебримбер тоже заметил запертые ворота и поехал к Барад-Дуру, чтобы посмотреть на них вблизи? Это бы еще не беда, потому что гарнизону крепости строго-настрого приказано сидеть тихо и не высовываться наружу, но если мастер вдруг захочет проникнуть за ворота, то неизвестно, чем это кончится.

Пристальный взгляд Саурана устремился к крепости, разыскивая рядом с ней коня или всадника – но там никого не было. Возможно, Келебримбер от безделья все-таки поехал осматривать военные поселки у южной гряды, как намеревался еще по пути сюда? Если так, он не найдет там ничего особенного, потому что население ушло оттуда на юг со строгим приказом не возвращаться раньше начала зимы. Значит, к ужину он вернется на стоянку ни с чем, потешив и успокоив свою бдительность.

Странно, однако, что мастер надумал куда-то поехать именно в тот день, когда амулет, над которым они трудились целый месяц, был наконец изготовлен. Куда понятнее было бы, если бы он не уходил со стоянки, с нетерпением дожидаясь возвращения майара с кольцом.

Эта мысль, внезапно посетившая голову Саурана, быстро превращалась в навязчивую идею. Почему Келебримбер уехал, хотя он должен сидеть здесь как пришитый и дожидаться кольца? Он же – мастер, он не может оставаться равнодушным к изделию, в котором принимал участие! Глаза майара безотчетно обшаривали стоянку – вот тонкое походное одеяло мастера, вот его теплая дорожная куртка, вот седло и потник его коня, а рядом, на кусте, уздечка... неужели он уехал без седла и уздечки, прямо так?! Вот его дорожный мешок, вот рабочий передник и рукавицы, брошенные на обычном месте. Вот его миска и ложка посреди остальной посуды, валяющейся рядом с припасами, которые тоже все на месте...

Все на месте? Саурон искал глазами и не находил объемистый сверток с эльфийскими лепешками, валявшийся обычно поверх других припасов. Если бы мастер уехал на день, он мог бы взять с собой лепешку-другую, но весь запас?!

Саурон расшвырял продукты по стоянке, окончательно удостоверившись в том, что сообщил ему беглый осмотр. Похоже, Келебримбер уехал так поспешно, что не взял свои вещи и не стал седлать своего скакуна, захватив с собой только сверток с дорожными лепешками.

Куда он уехал? И почему? Что могло сорвать его с места подобным образом?!

Неужели у этого доверчивого простака хватило ума подслушать последнее заклинание?!

Саурон был достаточно искушен в делах житейских, чтобы признать это объяснение наиболее достоверным. Именно так и должен был повести себя наивный и честный малый, раз в жизни опустившийся до примитивного подслушивания. Внезапная догадка предстала перед Сауроном во всей своей беспощадности, ставя под угрозу его грандиозные замыслы. Если Келебримбер сумеет предупредить участников Общего Совета, эльфийские и гномьи кольца будут уничтожены, после чего никогда уже не удастся всучить им новые. Хотя у Саурана оставались еще кольца для атани, но те наверняка тоже будут предупреждены, и ему будет очень непросто подсунуть кольца достойным кандидатам в назгулы. Но даже если это увенчается успехом, их все равно будет мало, слишком мало по сравнению с тем, на что он рассчитывал.

– Бабочка!!! – в ярости зарычал майар. – Проклятая бабочка!!!

Его рука лихорадочно вцепилась в лежавшее в кармане кольцо – бесценное сокровище, маленький золотой залог его будущей власти и могущества. Ну конечно же, Келебримбер принимал участие в создании кольца, а значит, тоже связан с ним пожизненными узами, как и любой мастер со своим изделием. Саурон зажал кольцо в кулаке и сосредоточился на эльфе – да, вот он скачет на своем несравненном Лалачаэ, как раз между скалами Хмурых гор, где западный выход из долины. Волосы растрепаны, зубы сжаты, лицо отчаянное...

В это мгновение Келебримбер почувствовал на своей спине взгляд Саурана и обернулся. Ужас, проступивший на лице эльфа, подтвердил догадку майара яснее любых слов. Какая жалость, что так вышло – из этого умельца мог бы получиться великолепный назгул... впрочем, нет, материал не тот, не за что было зацепиться даже малейшему соблазну. А теперь нет ничего важнее, чем прикончить этого эльфа, пока он не добрался до своих и не растрезвонил им о коварном замысле их Аннатара.

Саурон окинул стоянку бешеным взглядом. Уж если мастер ничего не взял с собой в дорогу, то ему, майару, и подавно ничего не нужно – сейчас, когда так дорого каждое мгновение. Он бросился к своему скакуну, но благородный Морлаймэ всхрапнул и шарахнулся от него, напуганный переменной в хозяине. Выругавшись, Саурон сходил за уздечкой, а затем надел кольцо на палец и невидимым подошел к коню.

Он затянул поводок уздечки вокруг шеи быющего скакуна и силой заставил его взять удила в зубы. Затем он вскочил коню на спину и послал его вперед. Морлаймэ вертелся и бился, норовя сбросить невидимого всадника, и только неэльфийская сила майара помогала ему усидеть на жеребце.

– Ну погоди же, я заставлю тебя бежать! – прошипел он сквозь зубы, с трудом направляя коня к одной из грязных речонек Мордора.

На ее берегу в изобилии росла оркская трава, толстые прямые стебли которой, усаженные бледными желто-зелеными лопухами с тяжелым дурманящим запахом, на верхушках увенчивались пучками коробочек с созревшими семенами. Саурон сорвал горсть коробочек, растер их в ладони, выплюнул на них короткое заклинание и засунул упирающемуся Морлаймэ в рот. Как ни старался тот избавиться от непрошеного угощения, Саурон зажимал ему морду, пока часть семян оркской травы не проскочила в горло скакуна.

Вскоре конь перестал вырываться. Его пасть оскалилась, из нее пошла пена, покинутые разумом глаза налились кровью. Набив карман коробочками оркской травы, майар снова вскочил на коня. Тот с места сорвался в бешеный галоп – черное чудовище, только что бывшее благородным Морлаймэ, а теперь лишенное рассудка, понимания, даже изначального стремления каждого живого существа побереечь себя – и пустился в самоубийственную скачку, выполняя волю своего чудовищного всадника.

И струна безумной скачки эльфа и майара натянулась между Ост-ин-Эдиллом и Мордором. Двое создателей одного амулета силы, они чувствовали друг друга через созданное ими кольцо. Саурон мог отслеживать путь Келебримбера вдоль Андуина, а затем через Роханские степи в обход южного края Мглистых гор, непроходимых в это время года – но и Келебримбер мог чувствовать преследователя за своей спиной и знать, далеко ли он находится.

Они мчались сквозь Средиземье без отдыха, едва замечая мелькающие дни и ночи. Кому-то это показалось бы невозможным, но у айнура и Перворожденного была иная сила, для них существовало иное время. Если Келебримбер еще позволял короткие передышки у ручья и по куску дорожной лепешки себе и скакуну, то Саурон гнал своего черного зверя, не задерживаясь ни на мгновение. Тело бывшего Морлаймэ худело и ссыхалось, пустые глаза проваливались в

глазницы, под тусклой черной шкурой все явственнее проступали ребра. Конь на бегу превращался в скелет, съедаемый отравой и измотанный непосильной скачкой, но колдовское зелье заставляло его нестись по холмам и равнинам так же быстро и неотвратно, как сама смерть, фарлонг за фарлонгом сокращая расстояние между ним и Лалачаэ.

Келебримбер чувствовал приближение Саурана, но мог только беспомощно наблюдать за ним, потому что его скакун и так уже мчался на пределе сил. Ему оставалось только надеяться, что майар не успеет нагнать его в пути. Он не знал, кого из богов ему молить, к какому имени взывать о помощи, потому что не верил в милость богов. Он мог только уповать на то, что безымянная судьба не позволит совершиться катастрофе, нависшей над миром.

Одна катастрофа уже совершилась – рушился мир его сердца, устоявший во времена исхода из Валинора и в дни Войны Гнева. Как они с Теркеннером верили тогда, что зло изгнано из Средиземья навеки, что теперь они сумеют построить здесь прекрасный мир, в котором нет места крови и страданиям! И они начали строить Ост-ин-Эдил, и они строили его все эти полтора тысячелетия, протягивая руку дружбы и помощи каждому, кто приходил в их город. Как им обоим хотелось мира, где есть чистая красота распускающегося цветка, которую страшно потревожить даже легким прикосновением пальца! Мира, где возвышенные сердца благоговеют перед нежнейшими обертонами струны на поющей лютне!

А что теперь? Мир, где поломанная лютня валяется в грязи рядом с цветком, растоптанным башмаками тирана под грубый хохот своры идущих за ним дикарей? И самое ужасное – никому из бегущих от этого нашествия не будет дела ни до цветка, ни до лютни, им будет некогда повернуть голову, чтобы оплакать лежащую в грязи красоту, потому что у них и без этого будет над чем плакать. Униженные и беззащитные, они не найдут спасения от наступающей черни, потому что бежать некуда. Потому что в мире нет такого места, куда бы вслед за ними не погналась чернь.

Чья же вина? Неужели этот груз лежит на них с Теркеннером... потому, что они оказались слишком добрыми?! Добрыми и беспечными – и этим позволили злу ухватиться за этот мир, позволили ему окрепнуть? Как они верили, что никакое доброе дело не может обернуться злом... Как они могли оказаться такими слепыми?!

Как его руки – искуснейшие руки, по праву прозванные серебряными, всегда творившие только добро и красоту – как они могли принять участие в создании этого чудовищного орудия порабощения? Как можно было оказаться таким недалёковидным?! Как?!!

Эти мысли крушили мастера вернее, чем настигавшая его смерть. Цветущие сады его сердца взрывались лавовыми трещинами горчайшего в мире прозрения, вылетающий оттуда огонь сметал подчистую останки нежной и эфемерной, заботливо взлелеянной красоты – и сквозь выжженную, покрытую черным пеплом пустыню отчетливо проступал издевательски ухмыляющийся лик новорожденной мудрости:

– Ты искал меня, нолдор – так смотри же на меня!

Он смотрел в ее беспощадные глаза и не мог не смеяться вместе с ней. Над собственной слепотой. Над собственной доверчивостью. Над собственной глупостью. Горький смех звенел в его сердце, разносясь над черными пустынями былой красоты – былой и фальшивой – и ему вторил неумолчный смех копыт Лалачаэ. Жгучий и испепеляющий, очищающий и сокрушающий, неумолимый и безоглядный – горький и яростный смех.

Они обогнули южный край мглистых гор и мчались вдоль хребта на север, когда черный зверь Саурана рухнул под ним на скаку. Живой труп бедного Морлаймэ израсходовал все свои жизненные силы и стал просто трупом. Саурон обрушился на него с бранью, но убедившись,

что конь мертвее мертвого, зачерпнул из кармана пригоршню семян оркской травы и растер в ладонях.

Он всыпал часть порошка в оскаленную пасть обтянутого кожей скелета, сыпанул в ноздри, глазницы, уши и произнес над трупом заклинание подъема. Когда останки зашевелились и начали подниматься на ноги, он с нетерпением рванул узду и вскочил на костлявую спину, потому что не так давно Келебримбер был совсем рядом. Если бы не деревья, его можно было бы видеть на горизонте, но теперь задержка позволила мастеру удалиться от преследователя, и Саурон был в бешенстве от этого.

Мертвое тело скакуна было неповоротливее живого, и расстояние между двумя всадниками почти перестало сокращаться. Но Саурон продолжал погоню, потому что ветроногий Лалачаэ, равный разве что самому Нахару, скакуну Оромэ-Охотника, был живым. И он должен был обессилеть.

То же самое сознавал и Келебримбер. Пригнувшись над гривой коня, мастер не смел понукать его, чтобы выиграть еще несколько фарлонгов отрыва. Он чувствовал кровью, что тот давно уже сжег себя, и только тихо удивлялся – откуда, из каких запасов черпает силы его скакун. Почему все еще смеются его копыта, почему они все еще бросают вызов наступающей его смерти, когда по любым понятиям о силах эльфийских скакунов он давно уже должен был лежать бездыханным? Но звонкие копыта Лалачаэ по-прежнему несли его тело вперед, они по-прежнему упирались, били в безвинную землю, сохраняя последние крохи пространства между ним и невидимым всадником, сидящим на черной спине скелета. И когда наконец на горизонте показались рыжие вершины осенней ост-ин-эдилской дубравы, у мастера появилась надежда.

Наземный Ост-ин-Эдил находился к северу от дубравы, а с юга от нее на две лиги простиралась равнина, расчищенная во времена нападения южных орков. Поэтому эльфийская охрана, которую ставили на южной опушке скорее по традиции, чем по надобности, заметила одинокого всадника, едва он выехал из леса. Пока они вглядывались в него и узнавали в нем мастера Келебримбера, следом за ним вымахнул конский скелет, обтянутый клочьями черной кожи, от которого так и веяло дурным колдовством.

Келебримбер мчался к дубраве, скелет гнался за ним. Эльфийские стражники следили за ними с деревьев, держа наготове бесполезные луки – что они могли сделать с тем, кто уже мертв? Старший из них вдруг заметил, что поводья скелета держат чьи-то невидимые руки, и перешел на истинное зрение, увидев наконец второго всадника.

– Не впускайте его! – прохрипел Келебримбер издали, увидев охрану.

Конь внес мастера под кроны дубов, направляясь к жилищу правителя. Преследующий его скелет домчался до зоны охранных заклинаний – и черное волшебство рассеялось в ауре тонкой эльфийской магии. Безжизненные останки Морлаймэ рухнули на землю, а над головой Саурона предупреждающе свистнула стрела. Майар понял, что проиграл гонку, и поспешил убраться подальше, пока здесь не разобрались, что к чему, и не попытались захватить его.

Лалачаэ остановился у дуба, где жил правитель, и вдруг зашатался под всадником. Мастер едва успел соскочить на землю, как его скакун замертво свалился у подножия ствола. Жизнь мгновенно оставила измученное гонкой тело коня, не нашедшее сил даже на агонию.

Как бы ни предвидел Келебримбер это горестное мгновение, оно отозвалось в нем неожиданно-резкой болью. И как бы он ни спешил к Теркеннеру – он остановился, чтобы проститься со своим верным скакуном.

«Прощай, Лалачаэ, – думал он, глядя в мертвые глаза своего коня. – Ты – первая жертва черного замысла, а сколько их еще предстоит впереди! Прощай, мой добрый друг – и прости меня. Ты должен понять меня, ведь я такой же, как ты. Я бессмертен – и я уязвим. Рано или поздно наступит день, когда и я вот так же упаду на полном скаку, выполняя свой нравственный долг. И тогда мы встретимся в чертогах Мандоса, мой добрый Лалачаэ – две честные тени,

так и не позволившие себе ни мгновения передышки. Мы посмотрим друг другу в глаза – и снова будем вместе.»

Не обращая внимания на сбегających эльфов, Келебримбер помчался вверх по винтовой лестнице и даже не заметил, как оказался наверху. Это усилие было слишком ничтожно по сравнению с напряжением, в котором он пребывал во время скачки. Теркеннер был у себя на веранде, где проводил послеобеденное время в обществе старца, в котором мастер узнал Серого Странника.

Они были заняты беседой, но увидев вбежавшего мастера, разом замолчали и уставились на него. Келебримбер остановился перед Теркеннером, торопясь высказать все, что так боялся не довести сюда.

– Теркен, нас предали... этот майар Саурон, – сбивчиво заговорил он. – Нужно уничтожить кольца, или все погибло! Где они, Теркен? Я должен сейчас же уничтожить их!

И Теркеннер, и его гость ошеломленно разглядывали Келебримбера, осунувшегося и бледного от волнения и усталости. Мастер, определенно, был не в себе.

– Почему ты сидишь, Теркен?! – спросил он таким тоном, словно тот спокойно смотрел на горящего в огне ребенка. – Скорее неси сюда кольца!

– Феанарэ, что с тобой? – потрясенно спросил правитель. – Ты хотя бы объясни нам с Олорином, почему такая горячка? В чем дело?

– Успокойся, Келебримбер, – сказал вслед за ним маг. – Ничего не нужно делать впопыхах – что бы ни случилось, у нас найдется немного времени для обсуждения.

– Не знаю, найдется ли, – затряс головой Келебримбер. – Он гнался за мной по пятам, и он сейчас невидим для обычных глаз. Только истинное зрение может разглядеть его. Я боюсь, что он проберется сюда и украдет эти кольца, пока мы не позаботились о безопасности.

– Сейчас мы о ней позаботимся. – Теркеннер позвонил в колокольчик и приказал поднявшейся на помост девушке позвать к нему начальника охраны. – Сядь, Феанарэ, и расскажи нам все по порядку.

Мастер заставил себя присесть на краешек кресла и горячечным голосом начал рассказывать все, что случилось с ним в Мордоре.

– Если бы я только мог подумать! – в раскаянии добавил он, увидев их нахмуренные, озабоченные лица. – Если бы я заподозрил хоть что-то, я без труда догадался бы обо всем! Но я просто не знал – не знал, что такое бывает!

– Не переживай ты так, – заговорил наконец Олорин. – В любых обстоятельствах нужно иметь спокойную голову. Колец здесь нет, и следует еще разобраться, нужно ли их поскорее уничтожить – ведь кольца всевластья еще не было на свете, пока они лежали здесь. По всем законам магии замысел Саурона не заработает, если над кольцами не произвести некоторые совместные действия, которые свяжут их в единую цепь. Пока этого не случилось, они действуют порознь, и нам нечего бояться.

– Если только Саурон не успел что-нибудь сделать с ними после их изготовления, – поправил его Келебримбер. – В наших мастерских все лежит открыто, там вообще нет никаких замков!

– Придется поставить, – заметил Теркеннер. – Конечно, мы больше не пропустим сюда Саурона, но он, к сожалению, знает здесь все ходы и выходы. Со своей невидимостью он может обмануть даже нашу стражу – в ней много молодых эльфов, еще не овладевших истинным зрением. Или он может подослать сюда кого-нибудь.

– Я проверял все кольца перед тем, как разослать их, – сказал маг. – На них нет никакой дурной и посторонней магии. Я нашел на них только оговоренные Советом заклинания, а на эльфийских еще и защиту от применения в дурных целях. Это ведь постарался ты, Келебримбер?

– Да, меня самого насторожила та мощь, которую мне удалось заложить в них. Но гномьи остались незащищенными – они слабее, да и сами гномы – не совершенство. Одна только их любовь к богатствам может оживить это заклинание, поскольку оно не различает, на что направлены нечистые мысли.

Олорин понимающе кивнул.

– Благодаря твоему заклинанию мы можем не опасаться за эльфийские кольца. Даже если Саурон сумеет найти к ним доступ, оно не позволит подчинить их кольцу всевластья. Хотя... – маг на мгновение задумался: – Как по-твоему, возможно ли такое, что Саурон повлиял на них до того, как ты наложил на них защиту?

– Нет, – уверенно сказал Келебримбер. – После решения Совета Саурон надолго уехал подыскивать хорошего кузнеца-атани – так он сказал тогда – и вернулся из поездки, когда они были уже готовы и защищены заклинанием. А еще день спустя он позвал меня с собой, чтобы сделать... то кольцо.

– Хуже с гномьими, – продолжил Олорин. – Они были беззащитными здесь, а сейчас они беззащитны там, у гномов. Если Саурон ничего не сделал с ними в мастерской, он еще может добраться до них поодиночке. Трудное дело, но выполнимое.

Слова мага о рассылке колец наконец-то дошли до Келебримбера.

– Так вы уже разослали их! – воскликнул он. – Зачем, я же просил их оставить!

– Ты? – иронически переспросил его маг. – А может, Саурон?

Мастер порывлся в памяти и подавленно замолчал.

– Значит, все-таки он? – стал допытываться у него Олорин. – Так это же хорошо! Это же означает, что он не сделал с ними то, что собирался сделать!

– Да, пожалуй, – с облегчением вздохнул Келебримбер. – Вот только...

– Что – только?

– Сначала он сказал, чтобы я задержал эльфийские кольца, но затем вдруг поправился и сказал, чтобы оставили все.

В это время на помост поднялся начальник эльфийской стражи, и правитель начал давать ему указания по усилению охраны. Пока Олорин с Келебримбером дожидались его ухода, маг сосредоточенно размышлял о чем-то, ухватившись за подбородок под длинной белой бородой.

– Не нравится мне это, – пробормотал он под нос, когда начальник стражи ушел. – Ох, и не нравится...

– Что? – обернулся к нему Теркеннер.

– Я почти уверен, что с гномьими кольцами не все в порядке. Саурон наверняка потребовал оставить их заодно с эльфийскими только для того, чтобы не вызвать подозрений. Неплохо бы расспросить тех мальчиков, которые делали гномьи кольца – они могли заметить что-нибудь необычное, но не придать этому значения.

– Сейчас мы вызовем их сюда. – Теркеннер взялся за колокольчик. – В каком доме они живут?

– Слева и напротив от ученической столовой, – ответил Келебримбер. – Но перед отъездом я дал им отпуск на четыре месяца и сейчас они, наверное, еще не вернулись.

– Да, я давно не видел в городе гнома, – подтвердил Олорин, – но авари я видел несколько дней назад, вместе с молоденькой эльфийкой.

– Фандуил был только помощником Горма, – напомнил мастер.

– Что ж, для начала расспросим его, а за гномом можно будет послать в Казад-Дум, это недалеко.

Когда служанка снова поднялась на помост, Теркеннер отдал еще одно распоряжение – позвать сюда Фандуила, ученика мастера Келебримбера.

Это была погожая осень. Самая погожая, какую он помнил в своей пока еще не слишком длинной жизни – и самая счастливая. Тинтариэль делала вид, что только соглашается терпеть его общество, но для чего бы ей, уроженке эльфийской дубравы, каждый день находить себе причины появляться в наземном Ост-ин-Эдиле? Сам Фандуил редко заходил в дубраву – это не запрещалось, но ее коренные обитатели бросали на пришельцев такие недоуменные взгляды, что ноги сами выносили их оттуда.

Поэтому он садился на скамейку под старым платаном, стоявшим на обочине дороги в древесный Ост-ин-Эдил, смотрел на рыжие облака осенних дубовых крон и слушал, как падают желтые листья старого платана, покачиваясь в тихом и холодном воздухе ост-ин-эдилской осени. А небо было безоблачным и прозрачно-синим, таким необъятным, что можно было глядеть в него хоть до ночи, почти не ощущая времени, проходящего в ожидании Тинтариэль.

Она приходила одна, без подруги – и даже Рамарон, обычно простой в обращении, как топор-колун, находил себе неотложные дела в другом месте, когда у Фандуила появлялось настроение посидеть под платаном. К вечеру Тинтариэль выходила из дубравы и неторопливо прогуливалась по дороге, напустив на себя веселый и беззаботный вид. Каждый раз она притворно удивлялась случайной встрече, увидев его на скамейке, а он вставал и присоединялся к ней, втайне улыбаясь ее бесхитростной уловке.

– У вас там у всех такие черные волосы, в Сумрачном лесу? – игриво спрашивала она.

– Да, у нас много черноволосых, – соглашался он. – Все-таки мы долго жили в ночи, под светом звезд, в те времена, когда Валинору светили чудесные деревья Телпериион и Лаурелин. Все наши Старшие носят имена, так или иначе связанные со звездами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.